

6+

Катерина Швецова
Песни Птицы
Гамаюн

Часть первая

Катерина Швецова

Песни Птицы Гамаюн

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57561309

SelfPub; 2021

Аннотация

Действие повествования разворачивается в двух изменениях – в нашем мире, в наши дни и в волшебной сказке на территории сна главного героя. Его имя Данька, он обычный двенадцатилетний мальчишка, которому посчастливилось погостить в совершенно другом мире и познакомиться с его невероятными обитателями – Птицей Гамаюн, ведуном Добрословом, Йогиней, Зарянкой и другими. Но главное, что помимо невероятных приключений и получения новых знаний, Данька знакомится с юной волшебницей Ясной, ученицей Доброслова, которая в итоге становится его лучшим другом, с которым так тяжело расстаться. Однако, в класс, где учится Данька переводят девочку, в которой наш герой узнает Ясну... В основе идеи книги – доброта, любовь к людям и всему живому и еще в том, что в каждом из нас есть искорка волшебства и каждый из нас самый настоящий Маг, стоит только поверить!

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	18
Глава 4	21
Глава 5	29
Глава 6	35
Глава 7	40
Глава 8	44
Глава 9	47
Глава 10	52
Глава 11	66
Глава 12	71
Глава 13	75
Глава 14	78
Глава 15	87
Глава 16	94
Глава 17	104

Катерина Швецова

Песни Птицы Гамаюн

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1

В этот вечер Данька никак не хотел засыпать, несмотря на хмурую, почти осеннюю погоду, ритмичные удары холодных капель дождя в окно его спальни. Как правило, в такую погоду засыпать очень уютно и легко. Внизу неспешно переговаривались Данькины родители, пахло пирожками, звякала доставаемая из шкафчиков праздничная посуда – завтра приезжают гости, и дом наполнился радостным ожиданием.

Однако Данька грустил. И причины не мог найти, как ни старался. Это была какая-то острая, серая тоска – под стать тяжелым облакам, проплывавшим над тенистым лесом, тремя идеально круглыми озерами, россыпью костяники, над Данькиным домом, да и, кажется, над всем миром. Он мысленно окрестил это состояние Серым Гугой, представив его туманным существом, готовым плакать целую ночь и стонать ветром, гуляя по лесу, и, клубясь, заглядывать в окна домов. Так продолжалось уже несколько дней – отделаться от этого несносного Гуги никак не удавалось. Данька тяжело и порывисто вздохнул.

В его небольшой комнате было уютно, рядом с кроватью светила мягким светом лампа в виде деревянной избушки, рядом резная – из можжевельника – тарелочка, наполненная янтарным медом, который источал тонкий сладкий аромат, и лежали несколько веточек сухой мяты, случайно прихва-

ченной из бани. Тут же на низком столике стоял пузатый механический будильник с металлическими колокольчиками, который Данька особенно любил за его громкое тиканье и ни за что бы не променял на какой-нибудь электронный.

Он натянул до подбородка теплое стеганое одеяло и стал разглядывать причудливый узор на занавесках. Если долго смотреть на них не моргая, то на их ажурной поверхности можно разглядеть фантастические ландшафты, необычных зверей и птиц, лица людей. Данька часто проделывал этот фокус в дождливую погоду.

Постепенно он стал погружаться в сон, мысли стали медленными и тягучими, как малиновый кисель. Длинные Данькины ресницы опустились, отгородив его от Серого Гуги, который задавал тоскливое настроение и вызывал в душе такое неприятное чувство.

Пахло крапивой. Ее острый пряный аромат настойчиво лез в нос.

«Кра... Крррааа... К-рррапи-ва. Какое странное слово, похожее одновременно на рапиру и радугу, а еще интригующее, манящее».

Данька огляделся – вокруг стояли вековые сосны, сквозь высоченные кроны которых золотыми и красными нитями пробивались лучи вечернего солнца, под ногами расстился зеленый ковер сочной травы с вкраплениями белых маргариток с желтыми сердцевинками, где-то вдалеке мерно ку-

ковала кукушка.

Данька пошевелил пальцами рук и ног и удивился собственным ощущениям – он понял, что находится во сне – невозможно в мгновение ока из своей комнаты перенестись на опушку незнакомого леса, но все его действия определенно осознанные. «Надо идти, – подумал Данька и попробовал сделать шаг. Он немало удивился, поняв, что во сне управляет своим телом так же ловко, как и наяву, и мыслит четко. – Но куда? А главное – зачем?».

Следующим его открытием стало полное отсутствие страха. Он решительно ничего не боялся в этом неведомом месте: ни дикого зверя, ни гнева родителей по случаю его внезапного исчезновения, ни того, что наступит ночь и дружелюбное солнечное место наполнится пугающими тенями и звуками. Не было и Серого Гуги с его дождливыми чарами.

Данька зашагал. Сначала осторожно, стараясь не задевать босыми ногами корни деревьев, шишки и веточки, а потом все быстрее и быстрее, пока не оторвался от земли и поплыл в воздухе. Да что там – полетел! Это было невероятно! Данька осмелел настолько, что решил проверить догадку и попытался подняться немного выше. Получилось. А теперь еще и еще! И вот он уже парил над верхушками огромных сосен, над зеленым ароматным морем.

И в этот момент он увидел кое-что интересное: три озера среди сосновых макушек. Ошибки быть не могло – точно такие были в лесу неподалеку от Данькиного дома. В хо-

рошую погоду они ходили туда все вместе с мамой, папой и маленькой сестренкой Любовью, купались в прозрачной воде, иногда рыбачили и собирали чернику, костянику и землянику. Землянику Данька особенно любил, ее так здорово было собирать и по одной штуке нанизывать на травинку, а набрав целую цепочку спелых ягод одним махом отправить в рот. Вот это «ожерелье» было несказанно вкуснее целой банки земляничного варенья или большого лоточка земляники с рынка.

Данька подумал, что вскоре должен увидеть свой дом с высоты птичьего полета. Однако его нигде не было. Вокруг трех озер, насколько можно было охватить взглядом, простирался дремучий лес. Мальчик начал быстро подниматься в небо и вскоре увидел окраину леса и, кажется, какие-то дома, и полетел в ту сторону. Потом решил спуститься на землю и дальше идти пешком.

Шел он довольно долго, стало смеркаться. Данька услышал приглушенные голоса и какие-то непонятные ни на что не похожие странные ритмичные звуки. Выйдя из леса, увидел вдалеке окраину деревни, и решил пойти на звуки, доносившиеся, как ему казалось, из ее центра.

Ограждений вокруг домов не было, деревня утопала в садах, зеленела огородами и слегка поскрипывала детскими качелями. Дома тут отличались от тех, что он привык видеть – они были похожи на деревянные дворцы, красовались затейливой резьбой на крышах и наличниках, яркими орна-

ментами на опорах крылечек – их непременно было два, как и балкончиков, которые венчали остроконечные крыши. Над дверями висели рога каких-то крупных животных.

«Возможно, каждый балкон и крыльцо выходят на одну из сторон света», – предположил Данька, потому что абсолютно все дома в загадочном селении были похожи, а оба выхода и балкончики у них располагались одинаково.

Улицы были пусты. «А где же все? Звуки и голоса доносятся откуда-то из глубины. Может быть, там какая-то площадь и идет представление? И что там может быть?» – задавал он себе все новые вопросы.

Звуки приближались, Данька понял, что это удары в барабан, едва различимое пение и гул голосов. Когда он, наконец, вышел на большую поляну, то увидел множество людей, стоявших в огромном кругу. Явно происходило какое-то действие.

Народ собрался самый разный. Были тут и старики с седыми длинными волосами, подвязанными на лбу тонкими ленточками или косичками из бересты, были женщины и мужчины в простых красивых одеждах, дети – их было очень много.

Вначале Даньке показалось, что он был прав и это театральное представление или праздник, но, взглядевшись в лица людей – тревожные и печальные, понял, что они собрались тут не ради веселья.

Стараясь не обращать на себя внимания, он присоеди-

нился к детям, которые сидели на высокой груде бревен в небольшом отдалении от круга. Такое зрительское место вполне позволяло все отлично слышать и видеть в мельчайших подробностях.

Данька порадовался, что в своем сне он был босым, а его светлые волосы не были коротко подстрижены, а рассыпались локонами по щекам и лбу – и этим он ничем не отличался от местной детворы. Одет он был в белую льняную пижаму, в которой, собственно, и заснул у себя дома. Совсем некстати в памяти всплыла тоска и тревога, навеянная Серым Гугой. Эта напасть опять неведомо как закралась ему в душу, и Данька вдруг понял, что у собравшихся здесь точно такое же настроение, оно витало в воздухе и было почти осязаемо – серое, тягучее и гнетущее, как свинцовая грозовая туча.

– Так, это, в конце концов, мой сон, и я не хочу думать о тебе, Гуга! – проворчал он про себя и твердо решил просто наблюдать за происходящим так долго, сколько позволит его будильник, заведенный на семь утра.

Вдоль стоявших кругом людей ходили нарядно одетые мужчина и женщина: он бил в огромный бубен, звук которого был долгим, гудящим и вызывал трепет, а она грациозно следовала за ним и несла на вышитой причудливыми узорами белоснежной материи румяный каравай, давая любому желающему прикоснуться к сдобе. Совершив полный круг, они прошли в его центр и встали по обе стороны высоких де-

ревянных столбов в виде человеческих образов и большого костра. Воцарилась тишина, и к ним вышел старец в длинных белых одеждах и с фигурным посохом. Он что-то крепко сжимал в руке, но что именно – было непонятно. Старик простер руки к небу и заговорил:

– Как повелось издревле на нашей Земле-Матушке, только закручинятся-запечалятся люди, так соберут совет да обратятся к четырем сторонам-дорогам, морю-океану, ветру-буяну, ясну солнышку, огню живому. Встанут вместе в круг обережный, призовут покровителей небесных. Слава силам нашим светлым!

– Слава! – отозвались люди хором.

Старик продолжал:

– Да восславят род! Слава роду!

– Слава! – раздалось дружно.

– Да помянут предков. Слава пращурам нашим!

– Слава!

Под единодушный гром голосов старец разжал ладонь и высыпал в пламя горсть зерна.

– Жертвуем пищу сию во славу Земли-Матушки. Слава Земле нашей родной!

– Слава! Слава! Слава!

Рукой старец показал людям, что можно сесть, как кому удобно, и продолжал проникновенно:

– Явится на призыв воплощение мудрости – волшебная птица Гамаюн, откроет сынам и дочерям земли славной тай-

ны бытия в мире и здравии и да всепоможет советом в минуту лихую, черную...

Данька сидел совершенно зачарованный происходящим. Стоял чудесный летний вечер. Небо потемнело, приобретя глубокий васильковый оттенок, воздух наполнился ароматами луговых цветов, реки и дыма. Старец продолжал, обращаясь теперь к небу:

– ...О, приди, явись, мудрость веков, дочь четырех берегов! Взывают к богам родным внуки их славные! Помоги в час недобрый, уйми печали, заговори сердца горюющие! Высуши слезы! Приди же к нам! ЯВИ себя!

Помощник жреца – а старик был именно жрецом, в чем Данька уже не сомневался – продолжил ритмичную игру на бубне, извлекая тугой, глубокий, завораживающий звук. Распущенные длинные волосы ведуна и его помощника развевались, словно они неслись на резвых скакунах, глаза горели, ритм все нарастал и готов был уже сорваться в бешеный темп, когда над поляной завис небольшой вихрь. Прозвучал последний мощный удар, и все разом стихло, даже воздух замер.

Одновременно с последним ударом бубна взметнулся от костра в небо сноп искр. И в этой благоговеющей тишине вместе с ними, светясь золотым и красным светом, к людям опустилось небывалой красоты существо.

Оно было похоже на Жар-Птицу, только птичье блиставшее и искрившееся тело венчала голова прекрасной моло-

дой женщины. Золотые волосы ее были убраны под причудливый головной убор, похожий на корону. У висков красовались длинные витиеватые серьги в виде лежащих навзничь полумесяцев, а по центру высокого лба сияло украшение из ярко-синего драгоценного камня, который в точности повторял оттенок вечернего неба и переливался всеми гранями. При взгляде на собравшихся, на ее лице появилась добрая улыбка, а из изумрудных глаз заструился мягкий свет.

Это фантастическое существо, сошедшее к людям прямо с неба по просьбе старика-ведуна, смотрело прямо в глаза Даньке. Не отрываясь. Всё понимая и всё про него зная. Поэтому, как замерли люди в круге, как сидевшие рядом дети чуть ахнули, он понял, что она смотрит одновременно на всех и знает абсолютно всё обо всём и обо всех! Захлебнувшись от восторга и ужаса, Данька неожиданно для себя закричал что было мочи:

– К-р-р-ра-а-пи-и-ива! КРАПИВА! А-а-а-а-а! К-ра...

Глава 2

Дз-з-з-ынь! Звенел, надрывался заведенный на семь утра будильник. Данька неохотно открыл глаза. Комнату заливал солнечный свет, занавеска была сдвинута и подколота лентой с бахромой – значит, мама уже приходила к нему. В окно был виден кусочек ярко-синего неба и буйная зелень росших прямо под окнами кустов жасмина и сирени. И никакого, ну просто никакого Серого Гуги!

Оставалось совсем немного времени до окончания летних каникул – шла последняя неделя жаркого августа. Будет здорово по утрам купаться в одном из озер, ходить в лес, собирать плотные, душистые говорушки и опять, варить из них вкуснейший бульон с пенкой. «Правильно говорить – по грибы, – мысленно поправил себя Данька и проснулся окончательно, – по воду, по грибы».

Он сладко потянулся, и на лице его появилась широкая улыбка. Было просто невозможно поверить, что ночью он совершил такое диковинное путешествие. Летал, видел удивительное место и таких необычных людей. Кто они? Почему были такие грустные? И тут же сам вспомнил, как грустил вчера перед сном и не мог понять почему. Но какая же красивая и невероятная эта Птица! Каков жрец и его помощники, что по их просьбе прямо с неба прилетела ОНА!

Данька сразу загрустил, что не успел посмотреть, что же

было дальше, и раздосадовался на себя за то, что дал волю эмоциям, да так глупо. А еще этот будильник, будь он неладен. Зачем вообще он его завел?

«Ах да, сегодня же приезжает Тимка с родителями», – вспомнил он. Данька выбрался из-под одеяла, переоделся, ловко заправил постель, прихватил недоеденный мёд, веточки мяты и помчался вниз по лестнице на первый этаж, где уже наверняка собралась вся его семья.

В просторной гостиной стол накрывали к завтраку. Дымилась горка румяных ноздреватых блинов на глиняной тарелке, стояла плошка со сметаной и несколько пиал с разным вареньем. Первой он увидел маму – она несла горшочек с кашей в огромных смешных ухватках-варежках. Данька подбежал к ней, быстро пролез под ее руки, получилось, что она его обнимает.

– Доброе утро, сынок, – сказала она ласково, поцеловала его в макушку и сразу добавила, – осторожно, Данька, не обожгись, каша только что из печки!

– Доброе, мамочка! А где все? – спросил, выныривая из маминых «объятий».

– Папа на улице, уже заканчивает зарядку, Любава тоже где-то во дворе. Играет с Сержантом, у них там салочки на выживание, котофей спасается от нее бегством, – она поставила на стол кашу и принялась расставлять чашки.

– По-моему, у него мало шансов, – хохотнул, утаскивая с блюда блин.

– Да куда уж там удрать от генерала Любавы какому-то Сержанту?! – поддержала его мама.

– Тогда я тоже во двор, вижу, у тебя все готово, – договорил он, на ходу жуя блин.

– Да, малыш, иди.

– Мам!

– Прости, прости! Ты – большиш, бо-о-ольшиш! И скажи всем, что у них пятнадцать минут до момента превращения доброго повара в очень... очень... очень... – тут она схватила лежавшую рядом скалку и, скорчив страшную гримасу, стала в шутку наступать на сына, – в очень злого!

– Ого! Будет сделано, шеф! – отрапортовал он, поцеловал маму в щеку и пулей выскочил во двор.

Стояла теплая, солнечная погода, которая обещала к середине дня стать настоящим пеклом. Данька увидел отца – он уже закончил свои упражнения и собирался обливаться холодной водой возле бани.

Трехлетняя Любава сидела здесь же на крылечке и пыталась повязать носовой платок как косынку на голову все-таки пойманного ею черно-белого кота Сержанта. Кот был явно измучен игрой, но сдаваться не желал, периодически пытаясь освободиться.

– Пап! Привет! – Данька с отцом, обнявшись, похлопали друг друга по плечу.

– Здравствуй, сын! Не желаешь составить мне компанию? На озеро поздно...

– Давай! – мальчик стал снимать с себя одежду.

– Здластвуй, Дайка! – его все-таки заметила сестра и, решив с ним обняться, упустила Сержанта.

– Привет-привет, Ёжинька! – Данька крепко обнял девочку. – Мама звала в дом, беги, а то ты еще вон какая лохматая.

И девчушка побежала, крутя по сторонам головой, высматривая удравшего кота. Отец трижды облил ледяной водой из ведра сначала Даньку, потом себя, затем они растерлись полотенцами и ушли завтракать. Вскоре предстояла долгая дорога в аэропорт, встреча папиных друзей и их сына Тимура и обратный путь домой.

Данька предвкушал, как сядет на пассажирское сиденье, как они поедут по широким шоссе и эстакадам, как он будет сверять встретившиеся по пути названия населенных пунктов с картой. В таких поездках Данька был самым настоящим штурманом, он обожал их и всегда ждал с нетерпением. Но теперь, кроме привычного ожидания дороги и радости от встречи, в Данькины мысли постоянно вплетались воспоминания о его чудесном сне.

Глава 3

Теперь все были в сборе, обнимались и радовались встрече, рассматривали привезенные подарки. Не было только Любавы, которая, наигравшись за день, так и не дождалась гостей и уснула. Данька давно не виделся с Тимуром – сыном Сергея и Вики, и с радостью принялся тискать его и легонько трепать по короткому ежику волос. Пятилетний Тимка объявил, что он тоже кое-что привез в качестве подарочка хозяевам и стал выкладывать из многочисленных карманов небольшие камешки – целую россыпь!

– Что это? – спросил Сергей недоуменно.

– По-моему, Сережа, пока мы ждали вылета, наш сын насобирал щебня с газона и пронес тайно в самолет, а мы и не заметили, – предположила Вика.

– Каменный гость, – заключила Данькина мама и все дружно, кроме обескураженного Тимки, который ничего не понял, рассмеялись. – Давайте садиться за стол!

Все устроились на террасе по случаю теплой погоды, на душе было легко и весело. Данькина мама заварила душистый чай из мяты, на большом столе были выложены разнообразные пирожки, испеченные накануне, баранки, конфеты и овсяное печенье.

Друзья родителей – Сергей и Вика – оба военные, много лет уже несли службу на Северном Кавказе. Каждый их визит

становился настоящим праздником. Веселые, обаятельные и щедрые, они всегда привозили горы самых разных фруктов, виноградный сок, теплые нарядные вещи ручной работы. Сегодня помимо обычного набора гостинцев были сложенные друг на друга традиционные круглые пироги с начинками из мяса, картошки, сыра, свекольной ботвы.

Данька любил пироги, обожал помогать маме их готовить, особенно ему нравилось возиться с тестом – оно казалось ему живым существом, тонко чувствующим отношение к себе и настроение повара. Скорее всего, так и называли выпечку «сдобой», потому что делают с добром, вкладывая душу, передавая через руки тепло, с почтением оставляя тесто подниматься и отдыхать после того, как вытащат из печи.

Гости рассказывали много веселых историй, делились новостями об общих знакомых, о родных – такие встречи имели обыкновение затягиваться далеко за полночь. Раньше Данька слушал их с открытым ртом и, бывало, даже засыпал прямо в гостиной под неспешный разговор взрослых. Но сегодня ему очень хотелось опять оказаться в том волшебном сне, лететь над лесом в загадочную деревню, узнать, для чего золотая птица спустилась с небес. Постоянно теряя нить истории, он лихорадочно соображал, что же такое предпринять, чтобы вернуться в сновидение.

«Должен же быть какой-то способ, – рассуждал он, – всегда есть выход. Вот папа говорит, что из каждой сложной ситуации есть минимум шесть выходов, а совсем безвыходных

не бывает в принципе».

– Завтра прямо с утра идем на озёра, подъем в семь! – сказал тем временем Данькин папа. – Погода отличная, завтрак берем с собой, обед наловим на месте. Удочек хватит на всех.

Данька автоматически кивал в ответ, а сам все думал, думал... Он отхлебнул из своей чашки и стал ложечкой ловить листочек мяты, попавший ему в чай. И вдруг что-то будто ужалило его изнутри. Он сорвался с места и побежал к бане под непонимающие взгляды взрослых.

– Данька, ты куда? – спросил папа.

– Сейчас, сейчас! – бросил тот на ходу и, зайдя внутрь помещения, осторожно вытянул веточку мяты, которая сушилась здесь среди других трав.

Вернувшись на террасу, он показал ее, сообщив, что будет проводить эксперимент, о котором расскажет позже в случае успеха. И еще попросил маму положить ему немного меда в маленькую тарелочку.

Получив желаемое, он больше уже не мог заставить себя усидеть на месте и, расцеловав всех, умчался в свою комнату. Там он спешно переоделся в белую пижаму, положил на прикроватный столик мяту и мед, завел будильник. Еще раз осмотрев комнату и убедившись, что обстановка точно такая же, как и вчера перед сном, он залез под одеяло и закрыл глаза. «Нет только Гуги!» – радостно подумал он и крепко уснул.

Глава 4

Как только глаза его открылись, он возликовал от счастья. Он был в лесу! В том или нет – непонятно, но точно в лесу. Данька немного удивился, потому что вчера в момент его чудесного водворения в лес был вечер, садилось солнце, светило сквозь стволы и ветви сосен-великанов. Сейчас же был совсем поздний вечер, темно-синее небо обсыпали звезды, и откуда-то сбоку робко лился серебристый лунный свет. И самое интересное – не было никакого движения: ни ветерка, ни шороха листьев и травы – ни единого звука. Лес был неподвижен. Данька стал оглядываться по сторонам, как вдруг за одним из деревьев мелькнула тень. Страху не было, одно лишь любопытство, и мальчик пошел осторожно в ту сторону. Неожиданно снова мелькнул едва различимый силуэт у растущего рядом дерева, и из-за него показалась девочка в длинном красном платье – босая, с длинной косой и белой лентой в темных блестящих волосах. Она звонко рассмеялась и побежала вглубь леса.

– Постой! Постой! Куда ты? – Данька бросился в погоню.

Девочка, смеясь, быстро бежала, оборачиваясь и дразня его. Сквозь деревья Данька увидел приближавшиеся огоньки и понял, что они приближаются к деревне. Это придало ему сил, и он почти догнал девочку. Добежав до того места, откуда он вчера вышел к деревне, она сама остановилась и,

повернувшись к Даньке, заговорила:

– Ты что же так голосил на круге «крапива», «крапива»? Крапивы, поди, боишься?

– Не боюсь! Другая причина есть, поважнее.

– И что же это за причина? – она подняла с земли, видимо, заранее приготовленный увесистый букет крапивы и изговилась хлестнуть им Даньку по босым ногам. Но в последний момент решила смириться. – Ладно, сказывай!

– Все, что я вижу – это мой сон! – важничал Данька, хотя крапивы он и вправду не боялся. Они с отцом один раз ей даже хлестались. – И этот лес, и ты, и даже вся крапива здесь!

– Нет, – очень серьезно ответила девочка, – я существую взаправду. Жива-здорова вот уж сто тридцать месяцев.

– Каких еще месяцев? Сто тридцать лет?

Девочка говорила очень странно. Говор ее был настолько диковинным, что Даньке приходилось внимательно вслушиваться в ее слова.

– Одиннадцать лет, одиннадцать зим!

– Ну, значит, почти ровесники. Мне исполнилось двенадцать, – заявил он со значением и подсчитал в уме, – по-твоему, сто сорок четыре месяца.

– Дббро, – ответила девочка и поклонилась ему, положив руку на сердце. Вышло очень трогательно и почему-то торжественно.

– Зовут меня Данила, можно Данька. А тебя как зовут?

– Нарекли Ясна. А кличут Ясею, Ясенкой.

– И как же называется это место, Ясенка?

– Кружкí – весело отвечала девочка, – здесь недалече три озера круглых, потому так и говорят.

– Знаю я эти озера! – сказал Данька. – Там, откуда я появился, они тоже есть. Расскажи, что тут происходило? Что я видел? Круг, люди, волшебная птица!

– Случилось так, что в деревню нашу пришла беда. Всю жизнь и мы, и предки наши трудились на благо Земли-Матушки и во славу рода своего. Никого не обидели, напраслину не возводили, худого не думали. А вот в один из дней напала на всех жителей тоска-кручина. В такую трудную годину взывает старец наш почтенный к светлым небесным покровителям и просит явиться к нам Птицу Гамаюн. В лихой час она советом поможет да поведает, как жить не тужить. Где правда, где кривда. Путь укажет. И вот настало окаянное времечко – горюем, и нет с этим сладу! Болеет люд наш, руки опускаются, ничего не радуется.

– Но ты вон как смеялась! – усомнился Данька.

– Мы чада, Данька, души светлые, еще с небом напрямую связанные, потому хоть и задевает нас сила недобрая, но не так как взрослых. Иногда и весело становится, и радостно, аж сердце заходится. Как сейчас, когда ты крапиву призывал.

– Так это сейчас всё было?! – не поверил он.

– А то когда же? Только Гамаюн опустилась с неба, ты закричал и как в лес сиганул! – Ясна трянула головой, так, что коса ее описала дугу в воздухе. – А я за тобой. Я время

могу остановить, правда, ненадолго, но хватило.

– Ничего себе – время останавливать! – поразился Данька. – А еще что можешь?

– Дождь могу уговорить не проливаться или, наоборот, хлынуть, и солнышко позвать. У Доброслова я в обучении, – ответила она.

– Это еще кто? – нахмурился Данька.

– Так ты видел его, ведун наш, старец, что призвал к нам вестницу с небес.

– Расскажи о ней, об этой птице, как, ты сказала, ее называют – Гамаюн? – заинтересовался он.

– Да ты сейчас все сам узришь! Гамаюн... Самое главное запомни: птица сия ответ знает всякий, утешить может, так что ты не зевай, если есть у тебя сомнение аль тревожит что, так ты про себя этот вопрос тверди-повторяй, она и ответит, и приголубит. Бежим скорее, время сейчас воротиться, – девочка схватила его за руку, и они стремглав побежали вдоль домов по уже знакомой ему дороге.

В деревне все сидели на тех же местах, как будто Данька и не возвращался к себе домой, не встречал Тимку с родителями, не пил на веранде чай. Только все вокруг было неподвижно. Когда они с Ясенкой уселись на бревна, она достала из маленькой сумочки, висевшей на ее поясе, веретено с красной нитью и легонько раскрутила его, что-то тихонько приговаривая.

Тут же мир вокруг пришел в движение, вернулись запахи

и звуки. Птица расправила свои волшебные крылья, и стало светло, как белым днем. К ведуну Доброслову поднесли гусли, и он несколько раз провел своими длинными пальцами по струнам, извлекая мелодичный, неожиданно мощный звук, который разнесся по всей округе. Старец стал наигрывать неспешную мелодию и, пока все с интересом взирали на Птицу-Гамаюн, медленно и со значением заговорил, словно рассказывая сказку:

*Снизошла на Землю, прямо с облаков
Чудо-птица Гамаюн – дочь богов.
Сказ волшебный ворожит, потешит,
Каждого коснется, каждого утешит.*

*Собрался честной народ – вот так диво!
Птица бьет крылами и речёт ретиво.
Всяку тайну, всяк ответ птица знает,
Добрым людям в трудный час помогает.*

*Смотрит Птица-Гамаюн добрыми очами,
Малые да старые гостью привечают.
До пера дотронутся, тают, млеют души,
Кто грустил еще вчера, тот не тужит.*

Данька смотрел во все глаза, и ему так и хотелось расспросить свою новую знакомую о том, что же тут происходит, но,

едва повернув голову в ее сторону, увидел, как она отрицательно покачала головой, а потом кивнула в сторону круга. Ведун продолжал играть, а птица вдруг заговорила человеческим голосом, и слова получались тягучими, разносились эхом:

*Русичи, вы, русичи – славный род земной!
Золотые песни я несу с собой!
Только я услышу ваш тревожный зов,
Как спускаюсь с неба волею богов.*

Это было настолько невероятно, что сначала Данька даже не разобрал слов, будто Гамаюн вещала на каком-то неизвестном языке. Лишь по интонации он понял, что это приветствие. Птица-Гамаюн продолжала петь:

*К божьим внушкам на подмогу,
Правды светлой указать путь-дорогу.
Жить в любви научить да по совести,
Ключевой водою смыть страхи-горести.*

Данька немного пришел в себя и стал, наконец, понимать смысл слов. Значит, все правильно говорила Ясенка: люди грустили и страдали от неведомо откуда пришедшей тоски. Ему это было знакомо – еще вчера он и сам мучился от этой нахлынувшей на него напасти. И вот Доброслов собрал всех

жителей деревни и стал звать на помощь Гамаюн, а он, Данька, стал всему очевидцем.

«Стоп! – подумал он. – Получается, что я попал сюда именно из-за того, что тоска в виде Серого Гуги напала и на меня в тот вечер. Мне нужна была помощь, и вот так я ее получил».

Он уже понял, что это не его сон, как он думал сначала, а просто какая-то другая жизнь, параллельная. Слишком уж много было вокруг деталей, которые просто невозможно придумать подсознанию и тем более не повторять это, словно вторую серию фильма.

«Ух-ты! Сказка? Но уж слишком реальная. А если это далекое-предалекое прошлое, то слишком сказочное. Надо все выпытать у Ясны!»

Он украдкой посмотрел на девочку, которая была полностью поглощена происходящим, и улыбнулся. Гамаюн продолжала свою песнь, взмахивая золотыми крыльями, и за ними вслед летели переливающиеся разноцветные искры:

*Подарить на жизнь благую обереги,
Защитить от бед сейчас и во веки.
Морок пусть над вами да рассеется,
А сердца и души счастьем греются.*

И тут Данька почувствовал уже знакомое чувство нарастающей тревоги и сразу понял, что надо просыпаться. Те-

перь он легко справился с желанием немедленно закричать и окликнул девочку.

– Не кручинься, встретимся завтра на том же месте. Там, где я страшала тебя крапивой, – очень спокойно, даже ободряюще сказала она. – Ничего не упустишь, ни словечка единого, обещаю.

– Кр-р-рапива! – завопил Данька и последнее, что увидел перед тем, как проснуться, было маленькое веретено с красными нитями, которое раскручивалось в руках у Ясенки.

Глава 5

Данька проснулся отдохнувшим и счастливым. Солнце светило уже очень высоко, настойчиво заглядывая в окно, и было очевидно, что он здорово проспал. Папа что-то говорил, кажется, про рыбалку, что все вместе отправятся на озеро и выход в семь часов. Он бросил взгляд на свой будильник – так и есть, проспал безнадежно! Было уже больше десяти часов утра. Тут он увидел записку, написанную рукой мамы, ее красивым уверенным почерком:

«Сынок, доброе утро!

Мы знаем, что у тебя какой-то важный эксперимент и не решились будить тебя. Через пять минут мы все вместе с Тимуром и Любовью выходим на ближайшее озеро. Удочку на тебя взяли, на кухне малиновый кисель и каша. Приходи, как сможешь, мы ждем тебя!»

Завершала записку иллюстрация того, как они идут с удочками и рюкзаками, а Данька спит чуть в отдалении с высунутой из-под одеяла пяткой. Рисовал явно папа, в свойственной ему ироничной и схематичной манере – «палка-палка, огуречик». Наскоро умывшись и позавтракав, Данька вышел во двор, оседлал свой велосипед и помчал по направлению к лесу.

Проехав по поселку, он устремился к лесной тропинке, с наслаждением чувствуя на лице свежий утренний ветерок и вдыхая чуть уловимый сладкий, смолянистый лесной запах. В это время года, когда деревья в садах и на кромках колосистых полей уже кое-где готовились к осеннему листопаду, и с некоторых из них уже облетала первая листва, хвойный лес смотрелся по-прежнему свежо и величественно. Осень будто не показывала сюда своего лица, не испытывала на нем свои чары, не усыпляла перед долгой зимой. А может быть, сосновый лес – это могучее, стойкое войско, противостоящее осени, сражающееся с неизбежным? Его храбрые деревья-воины стойко выносили и лютые морозы, и летний жар.

Ах, какой же в этом году выдался жаркий август! Все дожди пролились в середине лета, Данька перечитал целую уйму книг, пока на улице было решительно нечем заняться. А еще ходил в гости к друзьям, которых мама в шутку звала «летней ватагой», приглашал их к себе, и они целыми днями играли в какие-нибудь настольные игры, устраивали пиратские сражения, разрабатывали проект дома на дереве, мастерили из картона его макет, спорили, ползали по полу с линейками и карандашами. А еще угощались домашними пирожками и смотрели диафильмы. Аппарат был старый, купленный еще его дедом и бабушкой.

Когда познакомились Данькины родители, выяснилось, что у папы был точно такой же, однако потерялся в череде переездов. Но вот пленки и диафильмы к нему он все равно

продолжал бережно хранить. Этому обстоятельству они подивились и от души повеселились, перебирая ленты с мультфильмами, историческими хрониками, пособиями по труду, иностранным языкам... Удивительное дело, не было ни одного совпадения. Пришлось все кропотливо рассортировать и пронумеровать, чтобы не запутаться и привести архив в полный порядок, который так любит Данькин папа.

С тех пор эта семейная сокровищница пополнялась новыми экземплярами, это превратилось в добрую традицию. Добыча словно сама шла в руки: она находилась на блошиных рынках, у соседей, на магазинных полках, привозилась многочисленными друзьями в подарок. Сам диапроектор представлял собой небольшую металлическую коробочку с мощной лампой, которая переносила изображения на импровизированный экран, и с оптикой, увеличивающей картинку.

Прибор разменял третий десяток и, несмотря на бережное к нему отношение, отчаянно перегревался, но смотреть его было в тысячу раз интересней, чем любой современный мультик. Сначала нужно было натянуть на стену белую простынь, надежно закрепив ее и разгладив, чтобы получился экран. Потом вся «ватага» долго выбирала мультфильм или документальный фильм, выбранную пленку устанавливали на ось с колесиком, которым задавалась скорость смены кадров. В комнате выключался свет, и один из Данькиных друзей становился киномехаником и рассказчиком одновременно, а остальные, прихватив подушки, рассаживались прямо

на полу. Обычно роль киномеханика выпадала Мишке, поскольку он был по всеобщему признанию был мозгом компании. Пахло жженой пылью от нагретой лампы, колесико издавало при движении характерный стрекочущий звук...

Погрузившись в воспоминания, Данька ловко преодолел овражки и корни, пересекавшие знакомую тропинку, хотя иногда и приходилось спешиваться, чтобы миновать особо сложные препятствия. И очень скоро оказался у озера, которые все называли Ближним. Оно было самым маленьким из трех водоемов, расположившихся посреди леса. Тимур и Любава резвились в воде, на берегу расположились взрослые. Данька присоединился к ним, перекусил захваченными из дома кукурузными лепешками с сыром, похрустел длиннющим пером зеленого лука, выкупался и приготовился рыбачить. Через три часа все были готовы двинуться в обратный путь. В корзину и на багажник Данькиного велосипеда положили улов и кое-какие вещи. Собраны были одеяла, на которых все грелись на солнышке, рюкзаки, посуда. И тут раздался пронзительный плач Любавы:

– Сейзант! Сейзант! – девочка рыдала. – Ой, пайпал!

– Любавушка, детка, кто упал? – спросил папа, беря дочь на руки, слезы катились из ее глаз по щечкам, как горошины.

Но она была неутешна и не могла ничего объяснить. Как старшему, пришлось признаваться Тимке. Оказывается, сорванцы взяли с собой в лес кота Сержанта, попросту запихнув его в рюкзак. Любава была уверена, что кот поможет

им ловить рыбу и сам ею полакомится, поэтому и уговорила Тимура на эту авантюру. Кот же, воспользовавшись случаем, сбежал. Покликая его и поискав по округе, поняли, что поиски бесполезны. Теперь захныкал и Тимур до этого хранивший самообладание. Данька тоже очень расстроился, что проспал, в результате чего упустил тот момент, когда дети забрали с собой несчастного Сержанта. Настроение было безнадежно испорчено, уговоры не помогали, кота очень любили и переживали за его судьбу.

Вернувшись домой, наскоро перекусили и решили отдохнуть, разойдясь по прохладным комнатам. Мама утешила Любаву, убаюкала и отправилась в кухню заниматься уловом – она была уверена, что их любимец вернется.

– Мамочка, – тихо начал Данька, – как же так? Мы найдем его, как думаешь?

– Данька, конечно, он вернется, – она потрепала его по макушке, – Знаешь, жил-был такой кот Семён, которого семья взяла с собой на отдых, а когда уезжали, забыли его случайно. И он вернулся, представляешь? Он прошел две тысячи километров, у него ушло на это целых шесть лет. Но он пришел домой. Так что наш Сержантик обязательно вернется!

– Хорошо бы, мама, – сказал Данька грустно. Он не разделял ее оптимизма. – Хорошо бы...

– Поможешь мне почистить рыбу? – спросила мама.

– И приготовить тоже!

Он немного повеселел от мысли, что можно отвлечься, по-

мочь маме с готовкой. Они вышли во двор и за неспешной беседой почистили весь улов.

Ужин накрыли на террасе, все хвалили запеченных в сметане карасей и пытались отвлечь детишек от мрачных дум. По предложению Даньки решено было устроить просмотр диафильмов, а перед сном мама, взяв на руки дочь, сказала тревожно:

– Любавушка заболела, у нее жар!

Глава 6

С тем и разошлись спать. Несмотря на досаду и вообще какой-то неудачный день, Данька решил не отказываться от возможности снова совершить ночное путешествие в Кружки. Он заранее подготовил «ключи» – так он назвал предметы, помогавшие попасть в нужный сон, улегся под одеяло и мгновенно заснул. В следующий миг он стоял под одной из сосен, где его уже ждала Ясна.

– Ну вот, – сказала она, – я же обещала, что скоро свидимся!

– Здравствуй, Ясенка! Что-то случилось? – спросил он, заметив, как она внимательно рассматривает его.

– И тебе не хворать, Данька! Отчего ты такой грустный? Когда сюда попал, чело было тоже дюже печальное, но сейчас, чувствую, беда стряслась.

– Да, – признался он, – сестра моя младшая, Любава, заболела, и кот убежал сегодня в лес.

– А ты помнишь, что я тебе сказывала? Задавай вопросы Птице-Гамаюн, каждый слышит ответ на свой вопрос. А теперь бежим скорее!

Когда они снова оказались в кругу, девочка раскрутила веретено, и сказочный мир моментально ожил. Данька стал твердить вопрос, волновавший его больше всего: «Можно ли скорее вылечить Любаву?» Гамаюн улыбнулась и, повернув

свое прекрасное лицо к мальчику, запела:

*Коли одолела хворь, стар иль молод,
Применяй отвары трав, мед да голод,
Помни, что приходит хворь к грусти,
И кручинушку-тоску не упустит.*

Данька все старательно ловил и запоминал каждое слово. Гамаюн продолжала, четко разделяя слова, песнь ее стала ритмичной, теперь в ней слышалась небывалая сила и уверенность:

*Посему открой окно нараспашку,
Да гони худые мысли за овражки,
За болота, за леса, за степные дали,
Только вороны чтоб их и видали.*

Гамаюн как будто видела перед собой хворь, и тут ее увидел и Данька. Очертания колючего, как кактус, шара, едва уловимого глазу на фоне воздуха.

*На край света пусть идут, окаянные,
И под камень лягут там, нежеланные,
Ветер пусть развеет их на просторе,
В пепел свет оборотит, примет море.*

По мере нарастания темпа и силы пения, под словами, которыми Птица ругала и прогоняла шар, он становился все меньше и меньше и, став совсем крошечным, взметнулся в небо и исчез за горизонтом в мгновение ока. И в тот же миг до Даньки дошло, как помочь сестре!

– Ясенка, крути свою штуковину, – скомандовал он сидевшей рядом девочке.

– Дóбре! – и она крутанула свое веретёночко.

– Я знаю, как помочь Любавке! – вымолвил он, пока время при помощи чар ненадолго замерло – Но так и не понял, где искать Сержанта, нашего кота. Да и забыл я спросить-то...

– Чудное имя.

– Я тебе когда-нибудь расскажу, что оно значит. Пока для тебя пусть он будет Воин.

– Знаешь, может статься, твоему Воину не надо возвращаться... Коли его путь разошелся с вашим...

– Не знаю, Ясенка, возможно, – Данька немного погрустнел, но вынужден был признать ее правоту.

– Ты сказал, потеряли вы его в лесу, у озер. Но ведь ты же умеешь летать, я сама видела!

– Да один-то раз всего и получилось, – отмахнулся он с досадой.

– Верь в себя, Данька, попробуй сейчас же слетать да поискать Воина на Земле-Матушке. И будь покоен – ты его найдешь. А уж время я еще как-то подержу, мне тоже не помешает умения приумножить.

– Да как же я прямо отсюда и полечу, ведь все увидят? – спросил он.

– Не волнуйся, тебя вижу только я, – призналась Ясна.

С этими словами Данька мысленно обрисовал для себя задачу и неожиданно легко и плавно взмыл в вечернее небо. Он довольно долго кружил над лесом, прежде чем увидел каким-то соколиным зрением маленький черно-белый комочек возле второго по величине озера. Данька опустился рядом с ним и погладил по шерстке, кот недовольно зафыркал.

– Ну что ты, Сержант? – заговорил Данька. – Хочешь домой? Киса ты бедная...

Сержант продолжал вести себя недружелюбно. «Права Ясенка, он не хочет домой».

– А Любава расстроится, эх ты... Воин, Воин!

В этот момент кот выгнул спину и потерялся о Данькину ногу, замурлыкал.

– Вот оно что! Ты не Сержант вовсе, ты – Воин! Ну что ж, пойдешь со мной, Воин?

Но кот лишь на прощание уткнулся холодным носом в его щеку и скрылся в ближайших зарослях. Даньке ничего не оставалось делать, как вернуться к Ясне.

– Я нашел его, Ясенка. И ты, кажется, права, он не хочет к нам. А откликается он на имя Воин.

– Не забывай, ты сейчас здесь, и то, что ты видел, лишь возможное отражение действительности. Ты же сам его призывал. Он жив-здоров?

– Вполне здоров и точно жив! – уже повеселее ответил Данька.

– Значит, Данька, доверься Року. Он ворóтится, или даже ты его найдешь – как знать. Одно реку твердо – надо попробовать, но не усердствовать, если не вышло. Не иди против Рока, следуй ему.

– Спасибо тебе, Ясенка, – сказал он тепло, – я отправлюсь к себе.

– Скоро свидимся!

– Добре, Ясенка, до скорой встречи. Кр-р-р-утиии!

Глава 7

Проснувшись, Данька первым делом спустился в кухню и заварил травяного чая, а когда тот остыл, добавил в него пару ложек липового меда. Аккуратно накрыл чашку блюдцем и пошел проведать сестру. Мама дремала здесь же, в кресле, небрежно накрывшись пледом – очевидно, что ночь прошла тяжело, и она совершенно без сил. Любава тоже только проснулась, лежала в своей кроватке и смотрела на мир с тоской и мольбой о помощи. Такая маленькая и хрупкая, что у Даньки сжалось сердце. Данька присел на краешек кровати, поцеловал сестру и сделал ей знак говорить тихо, чтобы не разбудить маму.

– Любава, – серьезно сказал он, – нельзя печалиться, ты потому и заболела. Понимаешь?

– Даня, Сельзант от нас усёл насовсем!

– Я буду его искать и найду, обещаю тебе! А вот ты должна скорее поправиться. Я дам тебе чай с медом, а потом надо открыть окошко, чтоб ты дышала свежим воздухом.

– Ладно.

Любава поморщилась и, приподнявшись на подушке, стала пить принесенный Данькой чай маленькими глоточками. Он встал, чтобы приоткрыть окно, свежий прохладный ветерок ворвался в комнату. Данька вернулся на край кровати, погладил ее по золотистым волосам, наклонился побли-

же, почти касаясь лба. И внезапно, повинувшись какому-то порыву, не стараясь дословно вспомнить слова, которыми Гамаюн наставляла прогонять хвори, с чувством зашептал, как чувствовал, своими словами:

– Уходи болезнь, лихорадка злая от Любавы! Прыгай в окно, лети через лес, через поле, через море, через океан, найди там остров пустынный, на нем камень. Ложись под него, хворь окаянная, да там и оставайся, никому не доставайся, никого не трогай, а превратись в зеленую траву. Пусть солнце тебя греет, дождик поливает, ветер песни поет. Век к веку, год к году, как в океане нет броду, к добрым людям тебе нет ходу!

Он закончил говорить, потрясенный тем, что только что произошло. Не было сомнения – он говорил с болезнью, почти осязая колючий полупрозрачный шар, совсем как тот, что он видел в своем сне. Любава отдала ему чашку и поудобней устроилась под одеялом. Лицо ее стало спокойней, на губах появилась легкая улыбка. Данька обернулся к креслу и увидел, что мама с изумлением смотрит на него.

– Доброе утро, Данька, – сказала она, выбираясь из-под пледа. – Какой ты молодец, что открыл окно и напоил Любаву чаем! И здорово прогонял болезнь, теперь ей точно станет лучше.

Они расцеловались, мама стала осматривать Любаву, мерять ей температуру, а Даньку ждало еще одно важное дело. Прихватив кусочки оставшегося ужина и одевшись в удоб-

ную теплую одежду – было прохладно, и накрапывал дождик – он пошел до места у второго озера, которое видел во время полета.

Через четыре часа поднялся на террасу. Тут были и Сергей с Викой и Тимкой, и даже Любава. Все, особенно родители, были очень встревожены.

– Я даже не буду спрашивать, где ты был, – строго сказал папа. – У меня другой вопрос: почему ты ничего нам не сказал? Мы волнуемся!

– Мам, пап... – Данька только сейчас осознал, что заставил родных переживать, и чувство вины накрыло его с головой. – Простите меня, я очень спешил! Смотрите!

На этих словах он достал из-за пазухи пригревшегося Сержанта. Кот спрыгнул с его рук, потянулся, сладко зевнул и сразу же устремился в кухню за своим обедом. Целые сутки он провел в лесу.

– Оказывается, его зовут вовсе не Сержант, а Воин! Я вам все-все сейчас расскажу. Нашел его в лесу возле дальнего озера... – Данька чувствовал себя страшно виноватым и норовил отвести всеобщее внимание на более безопасную тему.

– Никогда, слышишь, никогда так больше не делай! – уже спокойно, но с нажимом сказал отец, подойдя к нему. – Какой бы ни был твой интерес, подумай о своих родных и не заставляй их волноваться понапрасну. Напиши записку или

скажи кому-нибудь из нас.

Данька залился краской и горячо пообещал больше так не делать. Мама приобняла его за плечи, увлекая за собой в кухню, чтобы покормить. Все выдохнули и стали рассаживаться для чаепития. Данька в красках рассказал, как бродил вокруг озер и искал кота, умолчав о том, как именно узнал, где прятался Сержант.

– Любаве намного лучше, спасибо тебе! – сказала мама, наливая в его тарелку ароматный грибной суп. – Думаю, что она не разболеется на этот раз.

– Ноги сами понесли меня, просто не успел сообразить. – Данька быстро управился со своим обедом. – Так вкусно, я проголодался. Прости меня, мамочка!

– Конечно, милый, – сказала она мягко. – Кушай на здоровье, потом поможешь мне собрать что-нибудь к чаю и расскажешь, почему нашего Сержанта теперь зовут Воин.

Глава 8

Оставшийся день и вечер прошли мирно и вполне спокойно. По случаю прохладной погоды решено было расположиться в гостиной и даже разжечь камин. Данька опять в подробностях рассказывал, как ходил искать сбежавшего кота, как выманивал его из-за густых зарослей кустарника захваченной из дома рыбой, как звал его. Как он вышел к нему и откликнулся только на имя Воин. Повеселевшие Любава с Тимкой играли с котом, которого теперь все решили звать новым именем, раз оно так нравится ему.

Данька пригрелся на большом диване, где разместились взрослые, и с интересом рассматривал старые черно-белые снимки, на которых его отец – еще мальчишка – гоняет мяч во дворе, позирует с большой пластмассовой уткой на колесиках и серьезно смотрит в объектив на школьной линейке первого сентября, держа наперевес букет длиннющих гладиолусов. А вот мама на фотографиях совсем не похожа на себя. Тоже первоклашка, маленький испуганный воробышек с огромным белым бантом на самой макушке, стоит за ручку с белокурой пигалицей и смотрят они в разные стороны – отвернулись, как будто им друг до друга нет никакого дела, но рук не разнимают. Они самые маленькие в классе, мама рассказывала, что с этой девочкой они крепко дружили и сидели за одной партой до окончания школы. А сейчас она

живет в другой стране, но они все равно с удовольствием общаются, созваниваются по телефону.

Данька вспомнил своих одноклассников и улыбнулся тому, что скоро все они встретятся в школе, что два его лучших друга, живущих по соседству, провели с ним чудесное лето в составе «летней ватаги». Жаль, конечно, что они поздно начали строить домик на дереве и пока его не достроили...

В его неспешные размышления Даньки ворвалась еще одна радостная мысль: ведь теперь у него на одного друга больше! В загадочном мире, куда он попадал вот уже третью ночь подряд, его ждала Ясенка! Там, где чудесная Птица Гамаюн помогала им справиться с тоской и напастями. И ему, Даньке, так помогла! Как бы ему хотелось познакомить свою далекую подругу со своим миром, показать фотографии, книги...

На этот раз перед сном Данька не стал брать с собой предметы, которые он считал ключами к своему путешествию. Теперь он знал, что попадает в нужное время прямо к краю леса благодаря тому, что Ясенка раскручивает свое веретено. Он подумал, что именно движение фигурной деревяшки в ее руках и запускает время вспять, заставляя его преломляться и переносить Даньку неведомым образом, пока тот спит. Он готовился ко сну, и перед тем, как нырнуть под одеяло, достал с одной из полок коробочку с множеством слайдов в пластиковой оправе. Так можно было смотреть фотографии на самодельном экране, используя тот же диапроект-

тор или диаскоп – прибор, похожий на маленький бинокль, в специальную прорезь которого вставлялся слайд. Направив его на источник света, можно любоваться кадром. У Данькиных родителей сохранились с детских лет и диаскоп, и множество слайдов с запечатленными на них моментами жизни: семейными праздниками, портретами бабушек и дедушек, прогулками, путешествиями, сплавами по величественной и опасной уральской реке Юрюзань. И те самые школьные фотографии, что они сегодняшним вечером разглядывали. Выудив несколько слайдов и постаравшись отобрать те, на которых есть современные дома, машины, прихватив диаскоп, он лег в свою кровать и почти сразу крепко уснул.

Глава 9

Оказавшись в привычном месте в лесу, Данька сразу увидел Ясну, которая уже ждала его и даже в нетерпении махала рукой.

– Здравствуй! – выдохнул он, как только добрался до нее.

– Не хворай, Данька, и ты! – девочка слегка поклонилась.

– Все хочу спросить, – Данька сразу затараторил, торопясь задать разом все интересующие его вопросы. – Уже догадался, что это ты каким-то образом переносишь меня в это место. Оно ужасно похоже на то, где я живу, но деревни такой, конечно же, нет. Как ты это делаешь? Своим веретеном переносишь сквозь время?

– Веремья – слово очень похоже на время и на веретено тоже, правда? – спросила она туманно.

– Да, – не мог не согласиться он.

– Все связано, Данька. Люди, времена, события. Связано, переплетено нитями. Есть доля, есть недоля, человек своими поступками иль помыслами вытягивает себе, словно нити, то одно, то другое, и плетет узор жизни. Чем светлее душа, чем чище помыслы, тем будет полотно красивее и легче. У кого выходит кружевной платок, у кого дерюжка, а у кого только заготовка с кисточкой. Ты оказался здесь не по моей воле, тебя привела какая-то ниточка. А откуда и куда она тянется – мне неизвестно. Я и сама не гадала, что встречу тебя, просто

раскрутила веретено и увидала, как ты по небу летишь.

– Я уснул у себя дома, а перед тем грустил очень. Даже не знаю почему, без причины. Винил во всем Серого Гугу, потом, может быть, скажу кто это. Во сне оказался в вашем лесу, понял, что могу летать... – задумчиво ответил Данька и вспомнил про ее совет. – Послушай, ты была права по поводу Воина! Я его нашел почти там же, где видел, летая над лесом. Он вернулся к нам – сам пришел ко мне, но теперь мы его зовем по-другому, не Сержантом.

– Ты обещал рассказать, что это за имя такое.

– Да, точно! – А ведь Данька совершенно забыл данное им обещание, за что себя в очередной раз поругал. – Это звание в армии, как тебе сказать... В войске. Знаешь... вот сержант – как младший воевода.

Она кивнула и сразу погрузилась, по ее личику пронеслась тень страдания и какого-то тягостного воспоминания.

– А ведь, знаешь, Данька, ведь я живу у Доброслова, потому как сирота я. И не из этих мест. Родные мои сгинули: кто на поле брани, кто, защищая деревню – все полегли от вражеской руки. Я осталась жива чудом, совсем маленькой меня передали Йогинюшке, а уж от нее я попала сюда, в Кружки. Хоть и была мала, да рана до сих пор на сердце... Каждый из нас – воин, и должен беречь то, что любо и дорого, и быть готовым защитить это.

– Прости меня, Ясенка, – он приобнял ее, подумав, что она вот-вот расплачется. – Если не хочешь, не рассказывай.

Она тряхнула головой, словно прогоняя тяжелые воспоминания, так, что ее коса взвилась в воздух.

– Опосля расскажу, коль интересно. Да что же мы стоим?! Бежим скорее в круг!

Данька подумал о том, что они говорили уже довольно долго, гораздо дольше, чем обычно, и спросил:

– Ясенка, ты ведь говорила, что не можешь долго удерживать время?

– С тех пор, как ты явился сюда впервые, я многому научилась, умение мое растет. Если хочешь что-то сделать, надо браться за это крепко, негоже отлынивать...

– Так ты на мне тренируешься, что ли? – рассмеялся он, и девочка тоже робко улыбнулась. – Бежим!

И они понеслись по вечерней деревне в круг, где все было по-прежнему.

Ясна вернула время в его обычное течение. Данька задумался над тем, что бы такого он мог спросить у Гамаюн, что потом пригодится ему в жизни. Впервые у него закралась неприятная мысль о том, что его путешествия во сне рано или поздно закончатся. Как любой самый интересный фильм или захватывающая книга. Пока ему казалось, что все зависит от его сильного желания и определенной последовательности действий или что все это делала Ясна, было намного проще. Откуда и куда ведет его нить? И как долго он сможет навещать это волшебное место?

Он услышал певучий сказ Гамаюн, которая опять обраща-

лась прямо к нему:

*Отвори ум и сердце радости,
Да живи каждый миг в благодати
Не ищи чужого, не стяжай
Иной доли для себя не желай!*

Данькину душу как будто залило солнечным светом, он слушал, не отрываясь:

*Погляди вокруг, подивись
Беззаветно возлюби жизнь
Нет судьбы, но есть путь
Так ты верен ему будь.*

Он был очень доволен тем, что поведала ему Гамаюн. На этот раз он не торопился и не боялся, что не запомнит или не разберет слов. Осмелев, Данька стал вертеть головой, рассматривая окружавшую его обстановку и вглядываться в людей. Только теперь он заметил, какие красивые и открытые у всех лица.

Женщины старые и молодые были одеты в длинные одежды, длинные волосы у всех были заплетены в косы или спрятаны под головными уборами. Чем старше женщина, тем причудливее они были, тем темнее были их одежды. Мужчины сплошь настоящие богатыри с окладистыми бородами и

гордой осанкой. Они стояли за спинами женщин, их трудно было разглядеть более подробно.

На деревню неумолимо опускалась ночь, круг теперь только освещался светом от костра и сиянием оперения Гамаюн.

– Ясенка, эй! – позвал тихонько он. – А долго ли еще будет все это продолжаться?

– Неведомо, Данька. На моем веку такого никогда не было. Доброслов сказывал, что даже если и вопросов никаких не водится, все равно нужные знания тебе от Гамаюн придут и душа очистится. Это словно живой Исток, пей из него чистейшую водицу. А сколь ей быть с людьми, только она и ведает!

– А ты о чем спрашиваешь, интересно? – хитро поинтересовался он.

– Много о чем, – в тон ему ответила она. – Да не твоего ума-разума дело.

Они весело рассмеялись. Люди в кругу были так заняты происходящим, что на них никто не обратил внимания.

– Не волнуйся, – она верно истолковала его взгляд и кивнула в сторону круга, – сейчас все разумение там. Да и мало чем ты отличаешься от здешних ребятишек, подпоясаться бы только. Но это можно и поправить. Хочешь прогуляться? Покажу тебе деревню.

– Конечно, – Данька ликовал.

Глава 10

Они незаметно соскользнули со своих мест и не спеша отправились гулять по селению. Дома в вечерней фиолетовой дымке выглядели еще более загадочными.

– Вот, Данька, наши терема́, у каждой семьи свой. Тут и детки малые, и старики. Ребятишек много. Живем мы просто, но дружно и согласно, все вместе.

– А почему в каждом доме два входа? И будто четыре крыши? И что за рога такие?

– Не в доме, а в тереме, – улыбнулась Ясна, едва успевая отвечать. – Каждая сторона жилища – четыре крыши, как ты верно подметил – должна смотреть на одну из сторон света. Окошки смотрят на север и юг, а там, где крылечки да двери – на восток и запад. Выходить с утра следует на восток, там, откуда встает солнышко – тогда силы у человека будут и здоровье крепкое. Вечером выходи из той двери, что смотрит на Запад, провожая светило, и благодари за день за тепло и свет.

– Говоришь совсем как моя мама, она постоянно вещи передвигает по дому, говорит то так лучше, то эдак.

– Это каждая ведающая мать знает, как оно лучше, – подтвердила она, – да и учат нас этому сызмальства. А рога нас от злых сил берегут.

– Понятно, Ясенка! Ну а вообще, как и чем живете?

– Враг к нам давно не заходит, Чур бережёт, держит

обережный круг, – отвечала она. – Урожай скоро собирать будем.

– А у нас тоже говорят «Чур меня!», если от чего-то хотят отгородиться. От проблемы или плохого человека, события.

– Все ладно у вас сказывают! Чур – сила дюжая, древняя! А «Чур меня» – это часть обережного заговора. Научу тебя ему, в лихую минуту или если испугаешься, говори: «Чур-Чурило, стар-перестар! Ты сиди-сиди, посиживай. Ты ходи-ходи, похаживай. Ты води-води, поваживай. А от меня, Даньки, всю беду отваживай! Чур мя, Чур мя, Чур мя!»

– Запомню! Вы что же, одни в этом лесу? – уточнил Данька.

– С той стороны, откуда ты пришел – лес и озера, а с другой – река и поля. Еще деревни тоже есть, но они далеко.

– Расскажи, чему ты учишься у Доброслова? Это школа?

– Я не знаю слова такого диковинного, Данька...

– Ладно – в обучении. Чему обучаешься?

– Волошбе, Данька, обучаюсь. Буду потом Доброслову с обрядами помогать, людей врачевать, дождик звать, воду заговаривать.

– Волшебницей, стало быть, будешь? – Данька уважительно и изумленно покачал головой.

– Пусть будет по-твоему! Волошебницей.

– Ты говорила, что не из этих мест и что попала к Доброслову от кого-то? – продолжал спрашивать он.

– Ну что ж, слушай... Уже тебе ведомо, что осталась я од-

на в малом возрасте. И старцы те, что остались в живых после разорения деревни нашей, воспитать меня не смогли бы. Послали весточку Йогинюшке, дабы пришла она и забрала на воспитание.

– Кто это, Ясенка? – Данька знал, как тяжело было девочке беречь горькие воспоминания, и старательно обходил тему гибели ее родителей.

– Йогиня-Матушка, защитница всех сироток. Как случится беда – ее кликнут, она и прилетит на своей ступе, заберет к себе детушек.

– Погоди-ка! Да ты же про Бабу-Ягу мне рассказываешь, не иначе! В сказках часто про нее пишут. И имя схоже. Яга и Йогиня.

– Может быть, Данька, – сказала она мягко. – Величать-то могут и по-иному, а суть, знай, одна!

– Да как же ты выбралась от нее? – он не на шутку разволновался.

– Сама отпустила, как время пришло!

– И даже съесть не пыталась? – не верил своим ушам Данька.

Ясенка так покатила со смеху, что из глаз слезы брызнули.

– Да ты что, Данька!? Кто же тебе поведал такое? Ой, какая напраслина! – еле выговорила девочка, справляясь с взрывами смеха.

– В моем мире, Ясенка, есть книги. В том числе и мно-

гочисленные сказки. Характер у Бабы-Яги, если хочешь знать... – он старался говорить серьезно и даже строго, но веселье передавалось ему помимо воли, – ...тот еще. Она страшная и противная, да просто опасная и вредная старушенция. Живет эта Баба-Яга в дремучем лесу в избушке на курьих ножках, поджидает путников, чтобы заманить к себе обманом и съесть! А уже детей как она любит... И даже иногда специально за ними охотится, из домов выманивает и к себе в жуткую избушку забирает.

Ясне сразу стало не до смеха, она зябко поёжилась. Заметив это, Данька продолжал, специально придавая своему голосу немного ужаса и сильно жестикулируя.

– Дом ее стоит в самой лесной чаще, неряшлив, вокруг растут мухоморы, прыгают лягушки, ухают филины. Сама она старая, сторбленная, одна нога костяная, нос длиннющий, на нем бородавка. Волосы седые растрепаны, а одежды рваны, с паутиной. И глазищи злые-презлые.

– Как же можешь ты сравнивать сию нечисть с Йогиней-Матушкой? Йогиня – словно солнце ясное, лик ее прекрасен, волосы золотые, в косе светятся, одежды из шелка узорами диковинными вышитые, она всегда молодая, и сердце у нее такое доброе, что любви ее хватает на всех! – горячо возразила Ясна.

– А вот сама посуди, – не унимался Данька, описывая героиню сказок, – летает эта дамочка в ступе и метлой себе помогает. Ступа у нее старая, дырявая... А еще наша Баба-Яга

похищает деток и приносит их к себе, чтобы съесть. В избушке своей заворачивает их в тесто, сажает на лопату и в печь! – сказал он и стал ждать, что девочка на это ему ответит.

– Как странно и страшно... – мрачно промолвила Ясенка. – Ведь очень похоже, а смысл весь перепутан. Словно в воду смотришь, а там все вверх дном. Летаёт Матушка по небу в резной деревянной ступе, узорами искусными украшенной, а в руках у неё весло из чистого золота, коим она правит! Йогиня забирает детей-сирот из разоренных мест, где их некому воспитать. Оттуда, где сиротка со сродниками или соседями, никогда их не забирала, ибо воспитают и возлюбят словно собственных. Терем у Йогини особенный, ни увидеть его вражескому глазу, ни найти в лесах густых, полях широких. Ежели чадо малое здорово было, то само входило в жилище, если ребеночек болел, то заворачивала его Йогинюшка в тесто и сажала в печь до нужного жара прогретую, ровно на одну ночь. И выходило чадо после того здоровым и румяным, как пирожок.

– Значит, заболевшего только грели таким образом? – уточнил Данька.

– Истинно так, – подтвердила она. – Пред собой ты зришь чадо, спасенное Йогиней от верной гибели.

– Что ж, допустим. А дальше? – ему натерпелось дослушать увлекательный рассказ.

– Такие детки, Данька, остаются у Йогини-Матушки на

много лет и зим. Учатся понимать все сущее, говорить с природой, учатся тому, что все едино в этом мире, все связано между собой. Мир – как огромный купол, сотканный так, что каждая мелочь имеет свое место и накрепко связывается с другими мелочами, а те с третьими и так бесконечно. Дабы понять все это, нужно время и полный покой, тишина. А когда приходит время, все детки расходятся по тем местам, где они нужны.

– Как было у тебя? – спросил Данька.

– Рядом с теремом Матушки есть пещера с озером, где вода чиста, как роса, и вкусна, как нектар. Настоящая живая водица! Как-то раз я туда и пошла, чтобы набрать ее. А вокруг красота: и горы, и реки, и леса – как на ладони. Присела на белый валун и любовалась, даже не заметила старца, который подошел и рядом сел. Это и был Доброслов, ведун, которого ты видел в кругу. Он-то мне и сказал, что если я того желаю, то могу покинуть Йогинюшку и отправиться с ним в деревню Кружкий продолжать обучение у него.

– И та согласилась, как я вижу? – сказал Данька.

– Да, сразу я поняла, что тут мне хорошо будет. Матушка тоже сказывала, что как придет мой черед уходить, так я сердцем это почую и ни с чем не спутаю. Так и вышло.

Данька был под впечатлением от рассказа Ясны и шел задумчивый, опустив глаза. И увидел то, что не ожидал увидеть никак, даже на месте подпрыгнул.

– Ясенка, ты смотри! – и он устремился к небольшому ку-

сту малины, росшему рядом с дорогой. – Это же мой диаскоп! И слайды! А я думал, не получилось! Вот так чудо!

Он не мог понять, как получилось так, что он как-то пронес в сон предмет из своего мира, но радость и удивление были такими сильными, что он решил об этом просто не думать.

– Ну что ж, удивила ты меня своим рассказом порядком, пришла и моя очередь, – он широко улыбнулся и поманил ее к себе. – Вот посмотри. Это – диаскоп, прибор, на котором можно смотреть фотографии. А это – фотографии, такие картинки, которые в точности повторяют окружающий мир, когда ты делаешь снимок. В моем мире есть такой прибор специальный, который на пленку может запечатлеть что угодно.

Ясна смотрела на него ошарашено и непонимающе.

– Понял, надо наглядно! Но для того, чтобы посмотреть, нам бы найти источник света.

– Огонь подойдет? – спросила она.

– Вполне!

Она забежала в один из домов – двери, на его удивление Даньки, оказались не заперты – и принесла горящую лучину. Данька вставил в диаскоп первый слайд и посмотрел в глазок, направив матовое стеклянное окошко на огонек.

– А теперь ты, Ясенка! – и он дал прибор ей в руку. – Смотри, так выглядит город, в котором я живу. Дома, высокие, как башни, а внизу по дорогам едут машины. Они есть

у очень многих людей. По вечерам, если смотреть с высоты, то зажжённые на них огоньки превращаются в один поток. Кажется живым, словно светящаяся река.

– Надо же! И идут они самоходом? Я слыхала, что очень-очень давно у здешних людей тоже были такие и даже летающие по небу. Только потом они утратили умение управлять ими...

– Почему?

– Даже не знаю, Данька, просто так случилось. Чтобы управлять такими машинами, как ты говоришь, надо уметь говорить с ними. Но безмолвно, одной только мыслью. Одну такую машину Доброслов видал своими глазами далеко в тайге спрятанную. Так и стоит там, управлять ей люди не могут.

– Нашими машинами могут управлять все, – улыбнулся Данька. – А передвигаются они с помощью топлива. Но ты – девочка, тебе долго объяснять.

– Ладно, Данька, как считаешь нужным, – легко согласилась она, чем немало удивила его, потому что привык, что все его знакомые девчонки всегда зазнаются и спорят по любым пустякам.

– Так, давай смотреть следующий слайд! – от вытащил обрамленный в светлую пластиковую рамочку снимок. – Это моя мама, когда она была маленькой и училась в школе. Я обещал рассказать: школа – это место, где учатся дети от семи и до семнадцати лет. По-твоему где-то с восьмидесяти до

двухсот месяцев.

– Долго, – сказала Ясна, – у нас все проходит шибче.

Она приложила глаз к отверстию и принялась внимательно рассматривать снимок, пока Данька пространно рассуждал.

– Да я, в общем-то, тоже считаю, что можно было бы и побыстрее, но ничего не поделаешь, так сложилось. Сперва школа начальная – там малыши учатся писать, читать, считать. Потом средняя – там уже геометрия, биология, химия...

– Ничего не понятно, Данька, что ты говоришь, – рассмеялась она. – А мама твоя очень красивая. Только скажи, почему одежды такие странные, короткие... Тканей на всех не хватает?

– Ткани есть, а это школьная форма, – объяснил он. – Таковую все носили, когда мои родители были маленькие. Сейчас все не так, девочки могут в брюках ходить...

– Ты меня нарочно веселишь, Данька! – воскликнула Ясна поражено. – Это ж стыд-то какой в мужских портках ходить! А волосы... Почему такие короткие? Я вижу, здесь много люда собралось, у этой... у школы. И космы мало у кого есть.

– Ты права, сейчас еще короче стригут. Мода!

– Мо-да, мир и добро получается, а все обратно наперекосяк! Данька, длинные волосы у женщин – оберег! Ежели кто худое слово в лицо скажет иль не так посмотрит, позавидует,

то глаза оберег, а в спину если, то коса длинная защитит, не даст дурному глазу лиха наслатъ. Да и связь это с тем чудесным куполом, о котором я тебе говорила. Чем длиннее волос, тем лучше человек природу слышит, знаки тайные понимает.

– Интересная версия, Ясенка! Скажу, чтоб Любаву не стригли. А у мужчин что оберег? Борода? – Даньке стало ужасно интересно, он вообще любил, когда у явлений было логическое объяснение.

– У мужей боярых, возмужавших борода суть знак чести, силы и доблести. А оберег для них – незримый круг, который над ними жена его держит, она ему Берегиня. И в трудах, и в бою, и на роздыхе, всегда рядом незримо, окружает заботой и словами добрыми накрывает, словно крыльями. Горе тому, у кого бережного круга нет, вот беда настоящая...

– То есть выходит, что женщина получает знания и силу из окружающего мира, из купола этого, и с ее помощью мужа оберегает?

– Помнишь, я говорила тебе, все в мире связано меж собой? – сказала Ясна и передала ему диаскоп со слайдами.

– Да... Много ты знаешь, здорово! А что же ты спрашивала у Птицы Гамаюн, Ясенка? – наконец, он опять задал вопрос, который его так интересовал.

– Вот я росла не в семье, когда знания эти передают от сердца к сердцу, и очи твои каждый день видят как должно

быть, – в этот раз девочка решила открыться ему. – А я знаю все со слов. Так просила Гамаюн поведать мне суть, вдохнуть в меня веру, и был мне ответ:

*Береги семьи очаг от напастей,
Сила он твоя, смысл и счастье,
Чтоб любви огонь выжить смог
Не пускай обиды тень на порог.*

*Обожай детей, ставь на путь,
Не злословь, жалея, честным будь.
Научи весь день быть в трудах,
Уважать людей во любых летах.*

– Спасибо, – сказал Данька заворуженно и благодарно – ему было очень приятно, что она, наконец, решила открыть свою тайну.

Она улыбнулась в ответ.

– А теперь я тебе покажу кое-что интересное! Идем.

Она увлекла его на самый край деревни к одному из домов. От предвкушения какого-то чудесного открытия у Даньки запело внутри, как будто кто-то перебирал струны гуслей. Перед тем как войти Ясенка сделала жест левой рукой, словно разрежала пространство перед собой – сверху вниз, а потом справа налево – и слегка поклонилась. Данька интуитивно последовал ее примеру, и она одобрительно кивнула.

– Добро пожаловать, Данька, милости прошу в мой терем, – сказала она, – Тут живем только я да маленькая Зарянка. Она мне как сестричка, сорок месяцев ей еще, родители сейчас в далекой стране, вот я и присматриваю.

Проходя по жилищу в компании хозяйки, Данька с интересом разглядывал все вокруг. Терем был довольно маленьким по сравнению с другими: одна комната служила гостиной, столовой и кухней одновременно, а вторая оказалась спальней. Там стояла маленькая кроватка, а другое спальное место располагалось за веселенькой занавесочной на печи, разделявшей эти две комнаты. Убранство терема было очень скромным, но обстановка уютная, теплая, пахло смолистым деревом и веяло ароматным печным духом. На окнах висели короткие льняные занавеси с вышивкой по низу, везде лежали коврики, половички и дорожки, сплетённые из цветных тряпочек, а возле кровати маленькой соседки Ясны стоял аккуратный рядок самодельных игрушек. Девочка подвела его в самый дальний угол маленькой комнаты и показала на небольшой кованый сундучок. Там оказались резные деревянные ложки, гусельки, дивной красоты фигурки, сделанные из соломы – кони, птицы, девица с коромыслом; россыпи янтаря, бирюзы, крупных кристаллов горного хрусталя и даже каплевидной формы крупный лунный камень. Ну ни дать ни взять – сокровищница!

– Ну, что тебе больше всего понравилось? – спросила Ясенка, когда экскурсия по теремку подошла к концу.

– Твои коврики! Сама делала?

Они и правда были такие яркие и необычные, что ему непременно захотелось такой и себе. Девочка сильно удивилась – была уверена, что Данька выберет себе что-то из сундучка.

– Сама плела, это просто и думается хорошо. Но главное, чтобы мысли за этой работой были светлыми, добрыми. Тогда и принесет такая вещь тепло и добро. Я тебе дарю любой, Данька, выбирай!

– Ух-ты! Мысли мои прочитала. – Данька так обрадовался, что крутанулся вокруг своей оси, хлопнув в ладоши, и принялся расхаживать по светелкам, выбирая себе коврик.

Остановил свой выбор на небольшом круглом коврике с бело-желтым рисунком, словно раскручивающимся из центра вихрем, и ярко-зелёным с синими вкраплениями кантиком.

– Вот он, – уверенно сказал Данька и тут же расстроился. – Да как же я его с собой заберу? Это же сон...

– А как ты в свой сон диа... дивоскоп с картинками взял? – резонно спросила она.

– Твоя правда, не знаю как... – И он громко и четко сказал: – Я принимаю этот дар и беру его с собой.

– Молодец, Данька! – похвалила она, но за что – он так и не понял, а переспрашивать не стал.

– Вот тогда тебе, Ясенка, мой подарок, – торжественно заключил он, протянув ей диаскоп. – Только снимки я тебе по-

стараюсь достать другие. А пока оставь себе этот, с улицей и машинами.

Ясенка чуть поклонилась, как она всегда делала, когда здоровалась или благодарила за что-то и, приняв подарок, убрала его в сундучок к другим своим сокровищам. Довольные, они выбежали из терема и пошли к лесу – так решил Данька, чувствуя, что скоро проснется.

– Ну что, мил друг, до встречи? – Ясенка достала из поясной сумочки веретено.

– До встречи.

И уже привычно дружно грянули на всю округу:

– Кр-р-рапива!

Глава 11

Проснулся он раньше обычного, сладко потянулся и сразу же бросился осматривать свою комнату в поисках подаренного Ясной коврика. Увы, его нигде не было, как и диаскопа. Данька решил, что переместить вещь из сна не удалось, и спустился в кухню, где уже пили чай его родители.

– Доброе утро! – он поцеловал их по очереди и заглянул в мамину чашку. – Я тоже буду чай.

– Конечно, Данька, – ответила мама и налила в его чашку горячий и ароматный напиток. – Как ты спал? И, может быть, ты уже расскажешь нам про свой эксперимент?

– Обязательно, но позже, пока не время. А спал я просто замечательно, – улыбнулся он. – Что у нас в планах на день? Как Любавино здоровьице?

Слово «здоровьице» слышать от сына было необычно, и родители украдкой переглянулись, пряча улыбки.

– Она полностью здорова, – сказал папа, – и поэтому мы сможем все вместе съездить за покупками на рынок и погулять по городу. Можем еще что-то придумать интересное, если погода позволит.

– Я за! – тут же согласился Данька.

Большой пестрый рынок располагался в самом центре провинциального города и был крайне оживленным местом.

Здесь можно найти все что угодно, начиная от тяжелых чугунных казанов до россыпей лесных орехов. В крытой его части есть даже большой мраморный фонтан, в котором снуют туда-сюда разноцветные рыбки. Рядом – удобные деревянные лавочки, на которых и разместились Любава, Тимур и их папы, а мамы отправились за продуктами. С торца здания всегда стояли местные жители и продавали всякую всячину. Данька любил походить вдоль этих рядов, разглядывая разные безделушки, инструменты, старинную посуду или книги. Как ни странно, именно в такие моменты он отдыхал, погружаясь в себя, а мысли текли неспешно и приятно, можно было поразмышлять, о чем угодно или предаться воспоминаниям и помечтать.

Вот маленькие статуэточки из фарфора – два ангела с крылышками, пристроились на облаке и хохочут. Даньке живо представилось, как эти проказники по ночам взлетают со своего блестящего облака и взмывают под потолок старинной квартиры. Потом качаются на золотистых шторах, раскачивают хрустальную люстру, дразнят спящую добродушную собаку, поправляют своей хозяйке одеяло. И смеются, смеются, словно колокольчики...

А вот на маленьком деревянном столике расположились книжки: детективы, сказки, рецепты засолки огурцов, издававший виды детский журнал «Мурзилка». Разноцветные бусы. Виниловые пластинки. Чайный гриб в банке, заботливо накрытой белоснежной марлей. Вот худенькая девушка разло-

жила на лавочке свое нитяное вязанье – перчатки, кружевные салфетки и детские чепчики. Наверное, ей помогает вязать паучок. «Крючок-паучок, забавно вышло», – подумал Данька и застыл на месте.

На следующей лавочкой сидела маленькая старушка с добрым лицом и улыбалась ему, щурия глаза за круглыми старомодными очками. Она поманила его рукой к себе, приглашая сесть и начать разговор. Данька огляделся по сторонам. Нет, ошибки быть не могло, она смотрела именно на него. Он решился подойти и присел с ней рядом.

– Здравствуйте, – вежливо начал он.

– Приветствую, коль не шутишь, – старушка хитро прищурилась. – Вижу, ты и не интересуешься особо ничем, так бродишь... Вид у тебя мечтательный.

– Да, бабушка, жду, пока родители продукты купят, гуляю. Мне тут нравится, разглядываю вещицы. А что же вы ничего не продаете, тоже гуляете?

– Нет, милоч, не продаю! Но кое-что есть. Я вот что тебе скажу. Есть у меня дома много необычных вещей, почти волшебных... – Даньке показалось, что она ему подмигнула. – И вот иногда я такое чувство имею, что надо бы какие-то из них отдать. Не должны, знаешь ли ты, вещи залеживаться. Тем более волшебные... – Данька ничего не понимал, но слушать странную старушку было очень интересно. Тем временем она, доставая из своей огромной сумки сверток в простой коричневой бумаге, продолжила: – Так вот, сегодня ре-

шила я вещицу одну отдать новому владельцу. И вот ты-то ко мне и пришел.

– Это подарок? – удивился Данька.

– Нет, не подарок. Бывает так, мой милый, что когда вещь меняет владельца, хозяева сами и находятся. Долго рассказывать, – она стала торопливо отгибать края бумаги, из-под которой показалось что-то пестрое и яркое.

В этот момент Даньке показалось, что звуки вокруг затихли, и ничего нет на этом свете, кроме клочка переплетенной материи желтого и белого цвета... Появился кантик из ярко-зелёной ткани с синими вкраплениями, словно искорки. Данька смотрел и, потрясенный, не мог поверить своим глазам. Это был тот самый коврик, который Ясенка подарила ему, тот самый, что он сам выбрал, когда был у нее в гостях и которому был самым настоящим хозяином!

– Это... Это невысказано, невероятно! – промолвил он, как только дар речи к нему возвратился. – Но как? Как такое возможно?

– Знаю, что возможно все, но вот как – мне неизвестно, – она протянула ему сверток. – Вижу, что твое это.

– Данька, Данька! – кричала ему мама с крылечка рынка.

Он оглянулся и помахал ей рукой, мол, сейчас прибегу. Когда оглянулся, загадочной старушки перед ним уже не оказалось. Прижимая к груди сверток, он завертел головой, но его собеседницы и след простыл.

– Простите, вы не видели, куда сейчас бабушка в очках

ушла? – спросил он у девушки с «крючком-паучком».

– Нет, мальчик, не видела. Я салфетки раскладывала, – она пожала плечами и рассеянно кивнула на свои работы.

– Эх, ладно... – Данька опечалился. Но тут же ему в голову пришла идея. – А сколько стоит вот эта панамка с большим цветком? На девочку лет трех–четырёх подойдет? Погодите, я сейчас до родителей добегу и деньги принесу!

Глава 12

Дома творилось нечто невероятное! Покупки были перенесены на кухню и рассортировывались почти всеми обитателями, включая гостей. Стояли шум и гам, все наперебой делились впечатлениями и мыслями, что же приготовить на ужин, не терпелось немного отдохнуть.

Нагулявшись по городу и отобедав в кафе, все сильно устали и решили вздремнуть. Объявили тихий час, один Данька словно летал на крыльях. Он поднялся к себе в комнату и, плотно затворив дверь, расстелил коврик перед кроватью. Несомненно – это он! Эти цветастые вихри, спиралью поднимающиеся к краям... Он до сих пор не верил, что подарок все-таки нашел его. Данька еще немного полюбовался своим приобретением и выглянул в окно. День был в самом разгаре, спать совершенно не хотелось, и он решил навестить свою ватагу.

Схватив велосипед, промчался по поселку почти до самой окраины и, остановившись у одного из домов, дважды громко свистнул. Тут же в окне первого этажа появилась лохматая рыжая голова его друга Вадима или попросту Полундры. Мальчик получил такое экзотическое прозвище из-за пристрастия к пиратским приключенческим книгам и фильмам. Он улыбнулся во весь рот и крикнул, что приедет к их дереву как только доест обед. И Мишку тоже прихватит.

Данька кивнул и закрутил педали, уже через три минуты оказавшись перед раскидистым дубом, на ветвях которого они с друзьями планировали устроить подвесной обзорный пункт – он же шалаш, он же штаб. Они так и не успели воплотить свою идею в жизнь целиком – пока на дереве располагалась только небольшая основа-платформа и лестница, накрепко привязанная к стволу толстой проволокой. Чертежи штаба и картонный макет были у Мишки, Данька надеялся, что он их захватит.

Каково же было его удивление, когда возле их дерева он обнаружил двух незнакомых мальчишек. Они по-хозяйски сидели на первом «этаже» их шалаша и даже болтали в воздухе ногами. Данька не решился сразу подойти к ним и опрометью бросился навстречу друзьям, чтобы предупредить и огорошить их неприятной новостью.

– А вот и мыыыы! – мчался во весь опор Полундра, Мишка же восседал на багажнике его велосипеда, подпрыгивая на кочках и прижимая к груди ворох тетрадных листов.

– Стойте, стойте! – Данька замахал руками.

Велосипед резко затормозил, слегка развернулся на тропинке, подняв в воздух тучу пыли.

– Что случилось? – крикнул Мишка, чуть не свалившись с багажника велосипеда.

– Ребята, на нашем дереве сидят чужаки! – Данька развел руки в стороны, словно показывая, какой величины у них появилась проблема, и добавил для убедительности по сло-

гам. – Чу-жа-ки!

– Видал их раньше? – тревожно спросил Полундра. И по выражению лица своего товарища понял, что нет. – Так! Надо идти туда и сказать, что дерево наше, штаб наш.

– Ничего страшного, дело-то житейское, – добавил Мишка, который в их компании славился миролюбием.

И они двинулись в сторону дуба пешком, оставив железных коней у одного из заборов. Подойдя к дереву, они уже знали, что были замечены чужаками на дороге, от которых не укрылось их замешательство. Двое мальчишек взирали на компанию сверху вниз и победно улыбались.

– Здорово! – смело начал Полундра.

Миша и Данька встали, подбоченясь, по обе стороны, но было видно, что они отчаянно дрейфят. Мишка даже на всякий случай спрятал одну руку в карман брюк и оттуда тайком показывал захватчикам фигу.

– Ну, привет! – протянул один из мальчуганов. – С чем пришли? Хотя... Дай догадаюсь. Хотите выгнать нас с дерева. Да?

– Не то чтобы выгнать, – примирительно начал Данька, – но мы вот разработали план этого шалаша, который на дереве, кое-что сделали и хотели бы продолжить строить.

– А вы можете найти другое дерево и построить свой! – заключил Полундра уверенно.

– Хм. А зачем нам что-то искать? – ответил чужак и громко засмеялся. – У нас в поселке, а мы во-он оттуда, из-за

речки, таких знатных дубов нет. Так что будем сюда ходить. Это вы поищите себе другое место!

– Посмотрите! – в отчаянии крикнул Мишка, поправив съехавшие на кончик носа очки. – Вот наши чертежи! Мы так старались! Вы же не знаете даже, что и как тут строить...

– Покажи! – с деланным интересом потребовал второй мальчик, до этого молчавший.

Мишка приблизился к лестнице, забрался на две ступени и протянул ему бумаги. Полундра нахмурился. В отличие от друга, он совсем не верил в то, что эти ребята, посмотрев чертежи, уберутся с их территории. В следующую минуту с хохотом обидчики разорвали несколько страниц, а остальные безжалостно выбросили со второго «этажа».

– Ну вы нас поняли, да? – спросил один из чужаков, бросив изображать дружелюбие.

– Уходим, – хмуро сказал Данька.

Ватага собрала листки с земли и понуро двинулась к своим велосипедам. Разошлись по домам молча, пожав друг другу руки. На Мишку было страшно смотреть. Перебирая то, что осталось от их чудесного замысла, он чуть не плакал.

Данька бросил велосипед перед своими воротами и долго бродил по улочкам мимо домов, погружившись в тяжелые думы.

Глава 13

Первое, что хотелось сделать Даньке, когда он вернулся, это закрыться в своей комнате и колотить сжатыми кулаками по подушке. Сколько же раз он мысленно повторял этот роковой разговор, как ругал себя, что не дал отпора. Как они могли так бездарно потерять дело целого лета? Хотя, если откровенно, то они не раз бросали строительство шалаша, предпочитая это занятие другим играм или купанию. Сколько раз тот же Полундра увлекал их в свои пиратские игры или просмотр очередного фильма про покорителей морей!

Кое-как успокоившись, Данька побрел в кухню — он надеялся застать там родителей и немного с ними поговорить, чтобы отвлечься. Или поиграть с Любовью и Тимуром, если они уже проснулись.

– Данька! Мы уж думали, что ты до ночи укатил с ватагой! – сказала мама и тут же спросила: – Ты чем-то расстроен?

Данька только отмахнулся. Папа сделал знак маме «не приставай, мальчишечьи дела, разберутся».

Они устроились на террасе.

– Мам, ты никогда не думала отрастить волосы? – спросил мальчик.

– В детстве у меня были длинные волосы. Но сейчас все делают стрижки, и в восемнадцать лет я обрезала их, с тех

пор так и хожу.

– А мне вот рассказала... – Данька осекся, едва не назвав имя своей подруги из сновидений, – знакомая одна говорила, что волосы – это вроде нашей защиты, оберег. Будто если у девочки или женщины коса спину закрывает, то про нее никто ничего плохого сказать не может. Ну или навредить там. Папа, словом можно навредить?

– Можно, Данька, увы, – сказал папа задумчиво. – Если человек поверит в дурное пожелание, то очень даже может. А идея с длинными волосами очень даже мне нравится! Это же очень красиво! Коса!

– Ладно, ладно, почти уговорили, попробую отрастить ко-
сицу, – засмеялась мама и обратилась к мужу. – А ты тогда отпусти бороду!

Данька довольно кивнул, вспомнив про бороды, и подумал, что его папе она должна стать очень даже к лицу. Они допили чай и отправились в кухню – ужин был уже готов: запечена до румяной корочки утка с зелеными яблоками, ды-
милась в чугунном котелке картошка, посыпанная укропом со своего огорода. Данька с удовольствием помогал носить тарелки, вилки и разглядывал угощение. Оставалось только накрыть стол и всех позвать. Данька то и дело возвращался мыслями к событиям ушедшего дня и сломал всю голову над тем, как же со всем этим разобраться, в итоге решив ночью в своем сне расспросить об этом Гамаюн.

А пока до сна было еще много времени, и после ужина

Данька в своей комнате перебирал альбомы с фотографиями. Он хотел выбрать несколько снимков, чтобы показать Ясенке свой мир и свою жизнь. Несколько слайдов с видами города, фотохроникой родительских походов по горным речкам. Вот они с Любовью держат большую корзинку, в которой сидит Сержант – теперь уже Воин. Вот Данька идет в первый класс – у него такой растерянный взгляд, и он удивительно похож на папу с того слайда, что отдал Ясенке. Пляж с крупной и гладкой галькой, прозрачное море и невысокие зеленые сосны. Вся семья расположилась на большом одеяле, посередине которого лежит огромный арбуз, а Данька скачет вокруг собравшихся и размахивает шампуром, словно шпагой.

С моря они с родителями впервые приехали сюда – в деревню. Здесь Данька познакомился с Мишкой, а потом они подружились с Полундрой и сколотили ватагу.

Глава 14

В Кружках стояла уже глубокая ночь. Очутившись на знакомом месте, он позвал Ясну, и она тут же вынырнула из темноты.

– Здравствуй, – приветствовал он ее бодро и сразу же затараторил, – Ясенка, у меня появились сложности, попрошу совета у Гамаюн.

– Дóбре, тогда воротимся назад скорее! – она улыбнулась, довольная, что ему интересно тут и что он внимает советам Гамаюн.

Взявшись за руки, они бросились к кругу, где, как и в прошлые его визиты, все замерло. Веретено весело раскрутилось, время вновь ожило, пространство вокруг заиграло яркими красками и наполнилось звуками. Данька уселся на свое привычное место и стал думать о том, что на их территорию, на их такой милый сердцу шалаш был совершен наглый налет.

Закрыв глаза, он задавал вопрос Гамаюн, как поступать с врагами? Что делать? Захватчики! Как отбить то, что они старательно строили? Глубокий вдох, другой – и Данька распахнул глаза, встретив внимательный взгляд чудо-птицы. Она отвечала, глядя на него изумрудными глазами:

Времена во все лихие, Русич, помни

*Не один ты, словно в поле воин
Призови на помощь силы света
И врагов не оставляй без ответа.*

*Коли враг подошел, ворона черней,
Недобром грозит всей земле твоей -
Со дружиною своей встанешь на пути
Знай и верь, что недругам не пройти!*

Он слушал и теперь он точно знал, что делать. Он приложил к сердцу ладонь и поклонился Гамаюн в знак благодарности, как обычно это делала Ясенка. В ответ птица, к его огромному удивлению, тоже ответила поклоном. Данька от оказанной ему чести просто просиял.

– Идем? – спросила Ясна, видя, что волновавший его вопрос не остался без ответа.

– Айда! – развеселился Данька. Девочка раскрутила свое веретено, чтобы у них было время еще раз сходить в деревню, поговорить, пока остальные остаются в кругу. Они дошли до терема Ясны и уселись на резную лавочку возле входа. – Послушай, Ясенка, что со мной произошло! Помнишь тот коврик, который я выбрал себе в подарок, когда был тут в прошлый раз? – Девочка кивнула. – Так вот! Он сейчас у меня, в моем доме, в моей комнате! Представляешь, его мне передала какая-то очень странная старушка. Просто подозвала меня и сказала, что некая вещь принадлежит мне и

отдала сверток. Я развернул, а там мой коврик... – Ясенка довольно улыбалась. – Как же так может быть? Ну ладно, я перетащил из своего мира тебе диаскоп. Но как коврик попал к старушке? Тем более она намекнула мне, что он у нее находился довольно долгое время.

– Это, Данька, как раз вполне понятно, – ей было очень приятно, что подарок пришелся ему по вкусу. – Я же говорила, что все в жизни связано. Не в том мире, в котором мы с тобой сейчас, и не в том, где ты живешь, а вообще все сущее связано невидимыми нитями. Потянув за одну из них где-то, может, на другом конце земли или неба, затронешь другую. Любая твоя мысль оставит след во Вселенной. И если с ней подружиться, то она исполнит все твои желания. Вот ты принял мой дар и сказал об этом вслух! И поверил в то, что заберешь подарок. А уж остальное ее дело, как этот дар тебе доставить.

– Мудрено ты говоришь, Ясенка.

– Ну что ты, это просто, только надо понять сердцем и душой, и все сразу на места станет.

– Я вот, кстати, из своего мира тебе с Зарянкой принес подарки, но вот где они тут, не знаю. Давай искать?

– Давай! – ее голос зазвенел от радости.

Они стали ходить вокруг терема, заглядывать под кусты, за колодец, потом Данька предположил, что они могут быть в разных сундучках, что стояли в комнате. Забежали в дом, открыли и в первом же сундучке обнаружили небольшую пачку

фотографий и маленькую вязаную шапочку с большим красным цветком. Ту самую, что Данька днем купил на рынке у девушки с крючком-паучком и которую захотел подарить маленькой соседке своей подруги – Заряне. Девочка, улыбаясь, перебирала фотографии и остановилась на одной – той самой, на которой изображена Данькина семья с арбузом на берегу моря.

– Ой, Данька! Мне вот эта картинка шибче всех мила! Это твоя сестренка?

– Да, Любава, та, что болела. Но я ее вылечил! Повторил за Гамаюн заговор, напоил чаем – и болезнь прогнал! – гордо заявил он.

– Ты все правильно сделал. – Ясенка стала вертеть в руках фотографию, то подносить ее ближе к глазам, то удалять на вытянутую руку, словно разглядывая. – Тёмно тут, все не разглядеть! Ну надо же!..

– Что такое?

– А потом все сам увидишь, – уклонилась она от ответа, но выглядела очень заинтригованной, и вдруг решила сметить тему для разговора и указала пальчиком на арбуз. – А вот это что?

– Арбуз, Ясенка, – Данька рассмеялся, – вкусный! Снаружи зеленый с темными полосками, а внутри красный, сахарный, с маленькими черными косточками. Когда зрелый попадает, то очень вкусный и сочный. А растут они на юге. Вот тут, на картинке, мы ездили на море как раз в то время,

когда арбузы самые вкусные. Честно говоря, я вкуснее того арбуза и не ел никогда!

Ясна положила фото за пазуху и стала с непониманием разглядывать панамку. Данька показал, как носят ее. Ясенка рассмеялась:

– Вот уж диковинка! У нас, Данька, такие не надевают, малые с непокрытыми власами, а кто постарше, тот в косынке. Зарянку все спрашивать будут, не налюбуются и себе такое делать станут! А цветок-то какой красоты! Ну точно мак алый!

– Да, у нас такие маленькие девочки носят. А давай мы Зарянке ее сейчас отдадим? Можно?

– Конечно, только в круг вернемся, она там сидит. Заодно посмотришь на все в покое, ты же все спросил, что надобно было? Вон ты какой довольный был, аж светился и поклонны бил. Сказывай, что у тебя приключилось, раз ты так спешил в круг?

– Да. У меня есть два друга – Мишка и Полундра. Он, вообще-то, Вадим, но мы зовем его так. И строили мы с ними с самого начала лета такой домик на дереве, как шалаш. С лесенкой, двумя комнатами и обзорными пунктами. Ну, в общем, чтобы играть было веселее. Мы и макет сделали, и материалы искали, времени потратили на это очень много, но так его и не достроили. А тут пришли, смотрим – домик-то наш заняли! Другие мальчишки, чужаки какие-то из-за речки, мы их и знать не знаем. Так они на нас ополчились и от-

давать наш домик не захотели. Сказали, идите, мол, новый стройте, а нас и ваш устраивает. И пришлось нам уйти. Но ведь так оставлять-то нельзя, вот я и решил у Гамаюн спросить, как нам быть.

– Лад, что же она тебе сказывала? – спросила Ясна.

– Сказала она, что врагов без ответа оставлять нельзя, что надо за свое сражаться, раз они пришли к нам, – глаза у Даньки сияли.

А девочка задумалась и долго молчала, но потом заговорила:

– Ах, Данька, Данька, – вздохнула глубоко она, – не все так просто. Конечно, оставлять все как есть нельзя, но и вступить в бой до того, как убедишься, что нет другого выхода, нельзя. Вот ты говоришь, что когда пришли и увидели, что ваше дерево отобрали, то вы первым делом попросили их отсюда уйти?

– Ну конечно! Это же наше дерево, наш шалаш! – упрямо завел старую историю Данька.

– Ведаю я, Данька, что вы думали. Но враги ли вам они? Разрушили чего?

– Не разрушили, а просто сидели там и уходить не желали.

– А что же вы, Данька, за все лето шалаш этот ваш так и не достроили?

– Да потому что то дела другие были, то сил не хватало. Так, чтобы всем собраться и сделать разом, не получалось. Мало нас для такого строительства, понимаешь? – спросил

он с жаром и увидел, что Ясна еле сдерживалась, чтобы не засмеяться. И тут сам понял! Сами-то сделать не могли, а других мальчишек прогоняли.

– Вот, Данька, вам бы их к себе призвать на подмогу. И никакие не враги они, а просто мальчишки, которым тоже интересно поиграть.

– Точно, они еще сказали, что у них за рекой такого знатного дуба нет! Ну ты, Ясенка, голова! Я бы ни за что не додумался их к себе в ватагу взять! Так бы и построили, глядишь, скорее, а играть-то куда веселее, когда народу больше! – обрадовался он

Они, наконец, подошли к кругу. Уселись на свои места на бревнышках. Ясна раскрутила веретено и уже в который раз вдохнула жизнь в замершее пространство. Данька впервые смотрел на происходящее без страха и почти без удивления. Все казалось уже привычным и даже родным. Горел, как прежде, большой костер в центре круга, а в его зареве и искрах красовалась удивительная Гамаюн. Сейчас ее глаза были закрыты, она будто спала. Данька понял, что это от того, что сейчас у него на душе легко и радостно и он не задает ей вопросов.

Лица людей вокруг костра стали гораздо спокойнее, некоторые улыбались, у некоторых выступили слезы, но ощущение было умиротворенное. Он в этот миг отчего-то понимал всех этих незнакомых ему людей очень хорошо. Права Ясенка, все в этом мире связано, и при желании можно услышать

и увидеть очень сокровенные вещи.

Данька вдохнул полной грудью сладкий ночной воздух и повернулся к Ясне, и та показала ему Заряну. Она сидела в нескольких метрах от них, поджав под себя босые ножки. В красном сарафанчике, с венком из полевых цветов в руках. Маленькая, с вздернутым носиком и копной золотистых волос вокруг симпатичного личика, Зарянка вдруг повернула к нему голову, словно почувствовав, что ее разглядывают. И Данька вздрогнул! На него смотрела точная копия его сестры Любавы.

Вот почему Ясна так долго разглядывала фотографию! Она долго всматривалась в него, а потом улыбнулась так, будто на ее лице расцвел огромный алый цветок, и он понял, что не ошибся с выбором подарка. Данька ловко спрыгнул со своего места, подошел к девочке и, приобняв, нежно надел на нее панамку. Как же она пришлась ей к лицу! Данька еще немного полюбовался ей и вернулся к Ясне, понимая, что слова тут совсем не нужны.

– Скажи, ты ведь тоже заметила, как Зарянка похожа на Любаву? Ты так долго разглядывала фото.

– Верно – увидела, как они похожи – как две капли воды!

– Отчего же так? Это как-то связано?

– Конечно, Данька, я же тебе сказывала, все сплетено невидимыми нитями, и то, что тут ты встретил Зарянку, тоже неслучайно. Вот ты захотел сделать добро, пожелал принести ей в дар этот чудной головной покров, не видя ее, не зная, и

тебе добро и вернулось в образе твоей сестренки. Люби ее, балуй, оберегай. Это тебе сам мир подсказал.

– Ловко ты все объяснила, Ясенка! Ну вот, теперь мне надо возвращаться и разобраться со всей этой историей с чужаками! – сказал он.

– Ты запомни, что рекла тебе Гамаюн, в жизни точно пригодится! – сказала Ясна, – Но всегда прежде ищи истину и смотри. Если уж никак не сладить, то иди на бой и ничего не бойся. Помни, что за тобой силы света, раз ты свое обороняешь.

– Спасибо тебе! – сказал Данька и выразительно посмотрел на свою подругу.

– До скорой встречи, Данька! – она поняла его с полуслова и снова достала свое волшебное веретено, на котором, как с удивлением заметил Данька, стало гораздо больше красных ниток. – Доброго дня тебе и успеха, чтобы сладить с недругами! Сладить, понимаешь?

Глава 15

Утром Данька проснулся раньше обычного, был в отличном настроении и уже имел приблизительный план действий. Дом еще спал, солнце только-только встало и заливало двор ярким светом. Он залпом выпил стакан молока и, оставив записку родителям, чтобы ждали к обеду, вскочил на велосипед. Примчавшись к их дубу в мгновение ока, обошел его и внимательно осмотрел место. Нашел несколько обрывков тетрадного листа с чертежами, что не успел собрать Мишка.

Они, конечно, слегка промокли под вчерашним дождем, но под защитой дубовой кроны сильно не пострадали. В остальном же все выглядело вполне обычно. Тогда он вооружился длинной палкой, очертил вокруг дерева круг и встал вплотную к его стволу, прислонившись к нему спиной. Закрыв глаза, он мысленно поблагодарил Ясенку за переданное ему знание, поговорил с деревом, словно прося у него одобрения и защиты. Огляделся по сторонам – на улицах ни души!

– Чур-чурило! Стар-перестар! Ты ходи, ходи, похаживай! Ты сиди, сиди, посиживай! Ты води, води, поваживай! А от нашего дуба всех врагов отваживай! Чур нас! Чур нас! Чур нас! – заговорил громко, на четыре стороны света, еще раз обошел дерево по очерченному кругу и, чувствуя прилив

сил, отправился собирать свою ватагу.

Спустя час друзья уже собрались на совет во дворе у Полундры. Расположившись под раскидистыми кустами сирени, Данька с жаром рассказывал о своей задумке и, сначала встретив отчаянное сопротивление друзей, все-таки смог убедить их в своей правоте. Решение было принято, и они отправились к дубу, чтобы устроить чужакам настоящую засаду.

Полундра, вооружившись биноклем, залег в ближайших к дороге кустах и не отрывал взгляда от дороги, ведущей к соседней деревне, с которой они ожидали появления мальчишек. Мишка занял позицию поближе к велосипедам, надежно укрытым от любопытных глаз, а Данька был ближе всех к дереву. Время текло медленно, солнце уже подбиралось к зениту, и напряжение возрастало с каждой минутой. Друзья изредка коротким свистом давали друг другу сигнал о том, что все в порядке.

Вскоре на дороге, поднимая клубы пыли какими-то палками, появились давешние ребята. Ватага смотрела на них во все глаза. Один из чужаков, что поменьше ростом, стал забираться по лесенке, но практически сразу с нее спрыгнул и стал сильно трясти рукой.

– Заноза-а-а! А-а-а-а-а! – завопил он что есть мочи, а потом уселся прямо на траву, пытаясь вытащить ее двумя пальцами, видимо, она была довольно крупной и никак не под-

давалась.

Тем временем лесенку стал брать штурмом тот, что первым заговорил вчера с ватагой. Неспешно подошел, всем своим видом показывая, насколько легко у него сейчас все получится, и лихо подпрыгнул, стараясь сразу достать до последней ступеньки. Но вышло неловко, и он с размаху плюхнулся на землю. Взыв от боли, он схватился за левую ногу и почти плакал.

Тут-то вся ватага и вышла из своего укрытия. Полундра, задиристый и болтливый, хотел было начать победную речь, но Данька остановил его жестом.

– Встать можешь? – спросил он у мальчика, который продолжал кататься по земле, держась за ногу. Второй ошалело смотрел, забыв о своей занозе.

– Ой-ой, как больно, ой! Попробую, ох-ох! – ответил тот. Данька с Мишкой помогли ему, и он стоял, опираясь на их плечи, поджимая травмированную ногу, и тихонько охал. Полундра стоял чуть поодаль и явно не одобрял помощь чужакам.

– Надо срочно к врачу! – сказал Данька.

– Да у меня мама доктор, – простонал мальчишка, – в вашем же поселке, на базе отдыха работает. Ну, «Дружба» которая!

– Это хорошо. Как зовут-то вас?

– Меня Кирюха, – сказал парнишка с занозой, – а это Толик.

– Тоже мне Толик, – фыркнул презрительно Полундра, – одноногий капитан Флинт! Будешь Флинтом! Так, ребята, мы на великах, айда в «Дружбу»! Домчим мигом, только давайте в объезд, а то там ворота главные всегда под замком, ждать сторожа долго. А со стороны футбольного поля всегда въезд открыт.

Они расселись по велосипедам. Впереди ехал Данька, везя на багажнике стонавшего Флинта, позади крутил педали Полундра, специально наезжая на все кочки, чтобы сидевший сзади Кирюха высоко подпрыгивал. Закрывал колонну Мишка, который шурился на солнце и вечно отставал.

Наконец, прибыли. Сопроводили и Флинта, и Кирюху в медицинский кабинет и сели на лавочку ждать, когда те выйдут.

– Интересно как получается, – сказал Полундра задумчиво, внимательно вглядываясь в Данькино лицо, – вчера лазили – и ничего, а сегодня и один, и второй так опростоволосились. И ты, Данька, о чем-то явно недоговариваешь! Прибежал с утра такой взъерошенный, настоял, чтобы мы с ними мирились и в свою ватагу срочно принимали... Вот откуда ты знать мог, что они с нашей лестницы повалятся, а? Ну вот как?

– Не могу пока, и не просите рассказать, – улыбнулся Данька, – это секрет. Да и не был я уверен, но теперь вижу – все работает, и еще как! Впрочем, с Любовой тоже сработало, так что зря я сомневался.

– Что ты там бормочешь? Ничего же не понятно, – вредничал Полундра.

– Ну ладно вам, – примирительно сказал Мишка, до этого хранивший молчание, – сейчас надо дождаться, когда их осмотрят. Главное, чтобы не перелом, а то у меня как-то был, пол лета в гипсе проходил, потом столько же специальную гимнастику делал.

Распахнулась дверь, и на пороге показались их новые знакомые – Кирюха и Флинт. Первый помахал им своей пятерней, намазанной зеленкой, а второй, прихрамывая, опирался на приятеля. Колено его было туго перетянута бинтом.

– Перелом? – в ужасе спросил Мишка.

– Нет, – Флинт счастливо улыбался во весь рот, – ушиб сильный, но должен пройти скоро, хотя и похромаю. Перевязали, и еще мама каким-то спреем побрызгала, так что сейчас терпимо, почти не больно. Но сегодня надо лежать. Кире вон тоже занозу вытащили. Ребята, спасибо, что помогли! Как хорошо, что вы рядом оказались, иначе бы лихо нам пришлось.

– Да, – подхватил Кирюха, – мы тут подумали, поговорили... Вы на нас не обижайтесь за вчерашнее. Мы не злые, просто думали, что вы нас прогоните, вот и пришлось, так сказать, в наступление идти. У нас в деревне и правда таких дубов нет, мы его как увидели, да еще и с лесенкой, обомлели. Одним словом, виноваты, каемся.

– Ладно, ладно! Мы, собственно, пришли сегодня к дубу,

чтобы позвать вас в нашу ватагу, – важно протянул Полундра, – работы там много, а рук мало. А мы тут еще и ссориться вздумали. Да и дерево, по большому счету, не наше, а общее.

– Заметано! – завопили ребята, а Полундра продолжал: – Сейчас мы вас развезем по домам, тебе, Флинт, надо отлежаться хотя бы денек. Путь неблизкий, так что надо бы подкрепиться...

Он достал из рюкзака бутерброды и раздал ребятам, а из окна выглянула мама Флинта и позвала кого-нибудь взять чай. Мишка сбегал молнией и вернулся с подносом, на котором стояли пять стаканов с дымившимся чаем и блюдце с колотым сахаром. Они сидели на крылечке, пили горячий чай и наперебой обсуждали, как и что лучше сделать в штабе. Тут не было равных Мишке, который тут же нашел какую-то веточку и стал чертить на песке план. Все галдели наперебой, смеялись, требовали еще бутербродов, которые быстро закончились, в ход пошли сушки и конфеты со дна рюкзака. От вражды не осталось и следа.

Данька радовался и мечтал, как он расскажет о своей победе дома. В том, что это его победа, он не сомневался, хотя не важничал, а просто испытывал удовлетворение и чудесную легкость от того, что разрешилась серьезная проблема. И наказ Ясенки он выполнил! Насколько все-таки приятнее сладить с недругами, чем просто прогнать или побить!

Вернулся домой Данька только после обеда и еле успел застать родителей, Вику с Сергеем и детьми – они собира-

лись идти купаться на Кружки. Скоро гости должны были уезжать, и хотелось ухватить уходящее лето за хвостик, искупаться в еще теплой водичке, понежиться под лучами солнца.

– Подождите меня!

Данька бросился собираться на озеро.

Глава 16

После приключений утра и дня, долгой прогулки по лесу, купания и игр с Любовью и Тимуром, Данька еле донес ноги до своей постели и уснул, едва коснувшись подушки. И тут же оказался в привычном ему сне. Странно, но на этот раз Ясна не встречала его. Не понимая, что больше чувствует – страха или беспокойства, он взмыл в ночное небо и очень скоро оказался в деревне у дома Ясны и Зарянки.

Прошел мимо окон – все тихо, ни движения, значит, она все еще держит время своим волшебным веретёнком. А значит, с ней все в порядке. Данька пошел по деревне к кругу, и его внимание привлекли какие-то приглушенные звуки. Данька прислушался и подошел к тому месту, откуда они доносились, и вскоре увидел две фигуры, освещаемые факелом. Одну он узнал сразу – это была его подруга, а вот вторая представляла собой неясный белый силуэт, деталей в темноте было не разглядеть. Подкравшись как можно ближе, Данька решил присмотреться к тому, что происходит, и услышал знакомый голос ведуна Доброслова.

– Вот видишь, Ясенка. Всё еще здесь... вот же, вот! – приговаривал он.

– Да, зрю теперь! – ответила она и вдруг повернула голову в сторону Даньки.

Ее глаза расширились от удивления, и в тот же миг Доб-

рослов крутанулся вокруг своей оси и тоже увидел мальчика. Взгляд его, поначалу настороженный, сразу же стал мягким, а в глазах засверкали веселые искринки. Данька впервые видел его так близко и, конечно, разглядывал во все глаза.

Длинные седые волосы старца были прихвачены лентой на лбу и слегка развевались, хотя ветра не было, как и всегда, когда Ясенка останавливала время. Лицо его обрамляла густая седая борода, под которой легко можно было угадать улыбку. Одежды его были белоснежны, с золотой и серебряной вышивкой. Присмотревшись, Данька увидел, что узоры эти живые – растения переплетались между собой, птицы взмахивали крыльями, а на груди вращалось колесо! При чем, если смотреть на это издали или невнимательно, то ничего и не видно. По крайней мере, в кругу и сейчас, как только Доброслов повернулся, узоры были самыми обычными.

– Ну, здрав будь, путешественник! – сказал он медленно и величественно, а затем обратился к Ясне: – Тот ли это отрок, что ты сказывала? И ведь верно – зрит-то он много! Гляди-ка, и узоры мои заприметил.

– Познакомься, Доброслов, это – Данила, мальчик из другого мира. Как сказывал мне, живет он на этом же месте, рядом с Кружками, но все по-иному у них! – а затем обратилась и к Даньке. – А это – Доброслов, ты его уже видел в кругу, да и я тебе сказывала, как он меня сюда позвал, когда мое обучение у Йогини-Матушки к концу подошло.

Мальчик приложил руку к сердцу и поклонился, ведун

сделал в ответ то же самое, и они тепло улыбнулись друг другу. Когда знакомство состоялось, Данька почувствовал себя свободней и смело подошел к ним. Ясенка взяла его за руку и зашептала:

– Ты прости, что не встретила, не знала, когда ты вернешься, ждать как обычно не смогла.

– Это ничего, – он крепко сжал ее руку и подмигнул. – Что это у вас?

Он заметил разложенное прямо на земле берестяное полотно, собранное из множества небольших кусочков и скрепленное на стыках такими же золотыми нитями, какие красовались на одежде ведуна. Данька пригляделся и ахнул: это была самая настоящая карта, но лес, деревня с домами, дороги, реки, озера – все было живым! Доброслов указал рукой на край деревни, над которой был неясный серо-фиолетовый туман. В центре сияло нечто, похожее на солнце, и было видно, что его лучи прогоняют клубы этих облаков, рассеивая их. Чем дальше Данька вглядывался, тем отчетливее понимал – это именно эта деревня, а солнце – это Гамаюн.

– Что это? – спросил Данька, указывая на клубы тумана.

– Это, Данька, та грусть и кручинушка, что наших людей охватывает. И чтобы прогнать эту хмарь, Доброслов призвал с небес волшебную птицу. Она каждому помогла, вот туман и рассеивается!

– Да это же Серый Гуга! – обрадовался Данька. – Этот самый туман и на меня тоску наводил, что я почему-то здесь

оказался... Благодаря ему!

– Правильно, отрок, – одобрительно покачал головой Доброслов, – и ты только что поблагодарил то, что тебя пугало и расстраивало. У всех явлений в этом свете есть и плохая, и хорошая сторона. Главное то, как ты это чувствуешь. Что-то сегодня пугает тебя и вызывает грусть, а завтра уже понимаешь, что без этого и радости бы не было. Но суть все же в том – чтобы всяк человек искал в жизни радость, ибо для того и рожден.

– Искать свое счастье? – переспросил Данька.

– Не совсем так! Счастье не зверь, чтобы за ним гоняться, а лишь ощущение себя здесь и сейчас – сейчастье. Наполняет же это сейчастье, как вода чашу, то, что ты чувствуешь. Если радость, то след эту радость на все лады распробовать, а если худо, то знать, что скоро все изменится.

– Я понял, Доброслов! – Данька кивнул. – Как легко-то все объяснилось!

– Ну что, дети, посмотрели мы что хотели, пора и честь знать. След нам, Ясенка, обряд завершать, Гамаюн на небо отпускать да к привычной жизни возвращаться! – промолвил ведун. – Но прежде выполню я, путешественник, твою любую просьбу. Реки, чего бы хотел.

– Эмм... – Данька сначала растерялся, даже почесал затылок, а потом выпалил: – Вот говорила мне Ясна, что где-то в дремучих лесах стоит машина, которая мыслью управляется, но люди забыли, как это делать, и теперь она стоит и

ждут своего часа. Вот бы мне хоть одним глазком взглянуть!
Ведь кому рассказать – не поверят!

– Ты рассказываешь про небесную колесницу. Ну что ж, быть, по-твоему, Данька. Сейчас вы оба закроете глаза, я трижды обернусь вокруг себя и дотронусь до ваших макушек. Времени у нас будет мало, так что во все глаза смотрите!

Данька не успел ничего понять, как тяжелая горячая рука Доброслова опустилась ему на голову, и уже в следующую секунду мальчик почувствовал на своем лице ветер и уловил насыщенный аромат елового леса. Открыли глаза они с Ясной одновременно и увидели, что находятся в густом лесу. Доброслов уходил по едва различимой тропинке, и они бросились за ним, понимая, что отставать или теряться никак нельзя.

Через несколько минут перед ними словно расступились могучие ели, и они ахнули от удивления. На поляне стоял летательный аппарат самой невероятной формы. Размером он был в высоту метра три, и четыре – в диаметре, а формой напоминал колокол или купол, только с усеченным верхом. Корпус из материала, природу которого Данька не смог определить на расстоянии – не то медь, не то вообще камень! Весь корпус летающей штуковины был испещрен ровной чередой иероглифов, рисунков и непонятных значков. Венчал же все это пропеллер – так ему показалось.

– Вот то, что ты хотел видеть! Я знаю лишь одну такую небесную колесницу, но в свете их много, и они спрятаны

по самым укромным уголкам. Управлять ими и правда давно разучились, знание сие безвозвратно утрачено. Хотя, – он посмотрела на Даньку и Ясну, – почему безвозвратно? Может, в один день вы совершите такое чудо и найдете способ, как поднять ее в воздух. Все, что мне ведомо, это то, что не всех колесница подпустит к себе, только тот, кто сможет поговорить с нею внутренним голосом, без слов, тот и сможет ей управлять.

Данька вдруг настолько осмелел, что сделал несколько неуверенных шагов к небесной колеснице и обернулся, словно прося разрешения дотронуться до нее. Доброслов одобрительно кивнул.

Данька поднял руки и пошел к машине, словно показывая, что в его намерениях нет ничего дурного. Приблизившись вплотную, приложил ладони к корпусу. К его удивлению, вся конструкция сначала мелко-мелко задрожала, а затем загудела, словно гигантский чугунный колокол, в который только что ударили. Но и дрожь, и звук тут же стихли, воцарилась тишина.

– Ух ты! И даже ты, Доброслов, не можешь управлять ей? – услышал Данька свой голос будто со стороны.

– Спробовал я много лет тому назад, увы, меня она не слушает. А с тобой, гляди ж, хоть немного, но поговорила. Ну, пора нам возвращаться, детки мои! – молвил ведун и приобнял ребят.

Они зажмурились и через миг уже снова очутились в де-

ревне возле берестяной карты. Доброслов взял в руки догоравший факел и двинулся к кругу. Данька и Ясна, находясь под огромным впечатлением, ошалело брели за ним.

– Вороти обратно время, Ясенка, – велел Доброслов. – Ну а с тобой, отрок, я прощаюсь! Способный ты и дюже смыслённый, взял бы и тебя в обучение, кабы у нас жил.

В ответ Данька уже привычно поклонился, прижав руку к сердцу, и широко улыбнулся, хотя на душе появилась легкая грусть. Сейчас они будут отпускать волшебную птицу Гамаюн, и это ведун почему попрощался с ним...

Они пришли к кругу и уселись на свои места, а Доброслов снова оказался возле костра, взял в руки свои гусли и кивнул им. Ясна раскрутила веретено, и тут же под мерный перебор гусельных струн послышался распевный голос старца.

– Поклонимся же четверем сторонам-дорогам, морю-океану, ветру-буяну, ясну солнышку, огню живому. Встанем же вместе в круг обережный, воздадим благодарность покровителям нашим небесным. Слава Гамаюн!

– Слава! – повторили собравшиеся дружным хором.

– Слава Земле нашей! – гремел голос Доброслова.

– Слава!

Гамаюн несколько раз взмахнула золотистыми сверкающими крыльями, словно разминая их, и остановила взгляд своих изумрудных глаз на Даньке.

– Благодарю тебя, Гамаюн! Никогда не забуду тебя и твою помощь. Скажи мне что-нибудь на прощание, – прошептал

он. И она пропела в ответ:

*Помни предков, Землю-Мать береги,
Беззащитным и больным помоги!
Содержи в порядке дом, ум и тело,
Если взялся – заверши всяко дело.*

*Помни, что любовь – есть одна суть,
Светлым будет у тебя жизни путь!
Не прощаюсь я с тобой, милый мой,
В сердце я всегда в твоём, Гой!*

Данька кивал в такт ее словам, прижав руки к груди, и изо всех сил старался не заплакать. Его подруга Ясна сидела рядом, обхватив колени руками, лицо ее играло румянцем, она не отрываясь смотрела на птицу Гамаюн, которая расправила огромные сияющие крылья и освещала собравшихся в кругу людей ярче солнца. Лица их светились благодарностью, и Данька отлично понимал, что они чувствовали, и это было просто невероятно – полное единение.

Помощник Доброслова, который все это время стоял поодаль, вошел в круг, прошелся, ударяя в свой огромный бубен, и на финальном ударе вновь взметнулся ввысь сноп искр от костра, и Гамаюн легко и стремительно взмыла в ночное небо, блеснула высоко, словно комета, и исчезла из вида.

Как только все закончилось, всем раздали по кусочку от

большого каравая, с которым обходила круг женщина во время начала обряда, и все стали расходиться по домам. Подошла Зарянка, которой очень шла панамка с красным маком, Данька подхватил ее на руки и немного покружил. Девочка со смехом убежала, а Ясна серьезно сказала:

– Пойдем, Данька! Пришла пора расставаться...

– Пора...

Они неспешно дошли до опушки леса, где в первый раз увиделись. Вспомнили, как Ясенка бегала от него, дразнила и пугала копной крапивы, как Данька был убежден, что это сон и только.

– Ну что ж ... – начала девочка, – я рада, что встретила тебя! Было правда здорово, ты мне столько всего интересно-го поведал и показал.

– Ясенка, я тоже! И уж молчу, сколько всего полезного ты рассказала мне. А уж Гамаюн... Это потрясающе! Мне на всю жизнь ее мудрости хватит. Как же теперь? Я не смогу больше попасть сюда? Откуда ты знаешь? Почему Доброслов попрощался со мной, будто насовсем?

– Не ведаю я, Данька, только сказывал он, что нынче ты воротишься к себе.

– Значит, ничего не изменить? – с горечью спросил мальчик.

– Снова ты кручинишься вместо того чтобы радоваться. Помнишь, ты сам сказал, что без Серого Гуги ты бы и не попал сюда... Доверься Року!

– Я доверяюсь... Прощай, Ясенка!

– Прощай, Данька!

Они крепко обнялись и хором прокричали:

– Кр-р-ра-а-апива-а!

Глава 17

Пробудился Данька легко, опустил босые ноги на цветастый коврик, который подарила ему Ясна, и вдруг понял, что последние несколько дней только и делал, что торопился. То искал кота, то бегал по рынку, покупая Зарянке подарок, то перерыл полдома в поисках слайдов и фотографий. Зачем он так спешил? Ведь мог бы насладиться всеми этими моментами, смаковать их! А теперь что?

Пустота какая-то. Он еще раз посмотрел на свои ноги и пошевелил пальцами. Интересно, как там поживает Флинт? Пройшла ли его нога? Успеют ли они до отъезда в город достроить свой шалаш? Кстати, надо узнать, когда они уезжают, ведь надо будет собирать вещи. Август подходил к концу, скоро школа...

В следующие несколько дней произошла масса событий. Во-первых, проводили гостей. Маленький Тимур и тут умудрился насобирать целую кучу камешков и распахать их по карманам. Это вовремя заметили, но поскольку малыш наотрез отказался их оставлять, было решено переложить коллекцию в багаж. С собой гостям собрали гостинцы: ароматные сушёные травы и ягоды, баночки с земляничным и малиновым вареньем, хрустящие маринованные огурчики и крошечные белые патисончики.

Нога Флинта зажила довольно быстро – ушиб оказался

несерьезным, мальчишки успели крепко подружиться. Примечательно, что Полундра и Флинт, которые поначалу враждовали больше всех, стали лучшими друзьями. Штаб-шалаш был достроен очень скоро, благо удалось восстановить чертежи, а Данькин папа снабдил инструментом и кое-какими строительными материалами. Когда все было готово, друзья не вылезали из домика, делая перерыв только на сон. Даже еду каждый приносил с собой, и они устраивали роскошные пиры. А еще Мишка притащил из дома самую настоящую подзорную трубу на трех тоненьких ножках, и все по очереди несли дозор, вглядываясь в улицы поселка.

В последний день перед отъездом ватага устроилась на краю шалаша, мальчишки обняли друг друга за плечи, и Данькина мама сделала несколько памятных фотографий, которые друзья договорились распечатать и повесить у каждого дома. А следующим летом решили непременно усовершенствовать шалаш! Утеплить и поставить окна, дверь и, может быть, даже небольшой телевизор на батарейках.

Так и кончилось волшебное лето.

Сентябрь встретил школьников теплой погодой и золотистым убранством деревьев. Во дворе школы, где учился Данька, собрались учителя, дети и их родители. Все немного суетились перед торжеством. Первоклашки, словно воробушки, сбились в стайки возле классных руководителей, которые держали в руках таблички: «1А», «1Б», «1В». Наряд-

ные родители, банты, пышные астры и стройные гладиолусы всевозможных оттенков, гул голосов, смех и, наконец, хрустальный перезвон колокольчика – первый звонок.

Данька давно уже стоял вместе со своим классом, успел перекинуться парой слов с мальчишками, поделиться летними приключениями, рассмотреть новеньких – как сказали, их будет трое. Один из них испуганно озирался вокруг, и Данька подмигнул ему, словно подбадривая. Еще одна девочка к классу не подходила, стояла со своими родителями, и все ее внимание занимала маленькая лохматая собачка. Наверное, подарили ей в честь нового учебного года, и чтобы перемена школы была не такой тяжёлой.

Данька оглянулся на своих родителей – они махали ему и радостно улыбались. Подбадривали и волновались, ну прямо как в первый раз. Даже маленькая Любава строила ему смешные рожицы. Он тут же вспомнил Зарянку. Как ни старался Данька загрузить себя хлопотами по подготовке к новому учебному году, все равно постоянно возвращался мыслями к волшебной деревне, Гамаюн и Ясне. Тосковал.

Он глубоко вздохнул, послал родителям и сестре воздушный поцелуй и двинулся вместе с другими ребятами в класс. Там он сел за свою парту возле окна и, слушая вполуха речи классного руководителя о дисциплине, возложенных на них надеж и скорых контрольных, разглядывал желтые кленовые листья, раскачивавшиеся за стеклом.

Его отвлёк от этого увлекательного занятия стук в дверь.

Она немного приоткрылась, и в образовавшейся щели появилась взлохмаченная девчачья голова с огромным бантом, который, вопреки сложившейся традиции, почему-то был ярко-красного цвета.

– Можно войти? – спросила девочка и, не дожидаясь ответа, юркнула прямо к учительскому столу.

– Познакомьтесь, дети! Это Таня Доброва, она будет учиться в нашем классе. А ты, Таня, постарайся больше не опаздывать.

Точно, новеньких одноклассников было во дворе только двое, а должно быть трое! Данька пригляделся к новой ученице и от удивлений даже открыл рот – внешне девочка была похожа на Ясну, как сестра-близнец, только не было ее длинной косы – огромный красный бант еле держался на коротеньком черном хвостике, а пушистая челка растрепалась во все стороны – вероятно, она бежала. Единственное свободное место в классе было за Данькиной партой, и он смотрел, как его давешняя подруга идет прямо к нему.

– Ясна?! – прошептал он в восторге, когда она устроилась рядом.

– Почему это все сразу ясно? – спросила девочка голосом Ясенки и посмотрела на него серьезными зелеными глазами. – Меня зовут Татьяна!